

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ш. ДВОЛАЙЦКОГО

Р. Гильфердинг

Бем-Баверк
КАК
КРИТИК МАРКСА

Перевод с немецкого Е. ПАШУКАНИСА

переработанный для настоящего издания

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» - 1923

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора экономической серии	3
Введение.....	5
I. Ценность, как экономическая категория.....	7
II. Ценность и средняя прибыль.....	30
III. Субъективная точка зрения.....	63

Главлит № 4094 Москва.

Тираж 5000 экз.

1-я Тип. МСНХ. "Печатное Искусство". Арендаторы С. Я. Цузмер и С. Г. Гликин

Маросейка, Армянский пер., д. № 6.

От редактора "Экономической серии".

Предлагаемой книжкой мы начинаем издание серии экономических работ. В план нашей «Экономической серии» включены с одной стороны книги по теоретической экономии, с другой стороны, — работы конкретно-описательного характера. Задача первых—популяризация и интерпретация экономической системы марксизма, задача последних—дать ряд очерков, посвященных историческому развитию и современному положению как народных хозяйств разных стран, так и мирового хозяйства в целом.

Работа Гильфердинга дает блестящую методологическую критику субъективной школы политической экономии, вскрывая ее внутреннюю бессодержательность и бесплодность. В этом отношении она, несомненно, принадлежит к числу лучших работ, посвященных методологии Марксовой политической экономии, и может быть поставлена наряду с «Политической экономией рантье» Бухарина. Во второй главе своей работы Гильфердинг подробно останавливается на так называемом «великом противоречии» между I и III томами «Капитала» и попутно дает превосходное изложение соответствующих глав этого бессмертного труда.

Предлагаемый этюд был напечатан в I томе "Marx-Studien" (Вена, 1904 г.). Настоящий перевод вновь сличен с подлинником и исправлен.

Ш. Д.

Появление третьего тома «Капитала» прошло довольно бесследно мимо буржуазной экономической науки. Из «веселой погони», которую ожидал Зомбарт ¹⁾, ничего не вышло. Не возникло никакой новой борьбы умов, и «сражение in majorem scientiae gloriam» не состоялось. Ибо на теоретическом поприще буржуазная экономика в настоящий момент не ведет больше задорных и отважных боев. Как оратор, говорящий от имени буржуазии, она выступает только там, где затрагиваются практические интересы последней; верно отражая в хозяйственно-политических битвах наших дней конфликты интересов правящих клик, она боязливо избегает рассмотрение общественных отношений в их совокупности, справедливо чувствуя, что подобное рассмотрение несовместимо с ее существованием, как буржуазной экономической науки. И даже там, где она в своих «Основах» и «Очерках» в силу необходимости должна говорить о связи общественного целого, она не может подойти к этому целому иначе, как путем кропотливого составления его из отдельных частей. Она перестала быть принципиальной и систематической, и сделалась эклектической и синкретической. И когда «теоретик социальной экономики» Дитцель, сделав приятную мину в плохой игре, возводит эклектизм в принцип, то это только последовательно с его стороны.

Исключение представляет только психологическая школа политической экономики. Подобно классикам и марксистам, она стремится понять экономические явления с единой точки зрения. Она противостоит марксизму, как законченная теория,

¹⁾ „Zur Kritik des oekonomischen Systems von Karl Marx“. Brauns Archiv, VII, стр. 587.

и может поэтому подвергать его систематической критике, которая при диаметральной противоположности исходных точек зрения стала необходимостью. Уже в 1884 году Бем-Баверк в своей «Истории и критике теорий прибыли с капитала» завязал полемику с первым томом «Капитала», а на появление третьего тома он отозвался обстоятельной антикритикой ¹⁾, основные мысли которой мы находим в недавно вышедшем втором издании его «Истории» ²⁾. Он думает, что ему удалось доказать несостоятельность экономической теории марксизма, и возвещает с уверенностью о «начале конца теории трудовой ценности», которое якобы наступило с выходом третьего тома.

Его принципиальная критика, которая нападает не на отдельные произвольно выхваченные места, или выводы, но ставит под знак вопроса и объявляет несостоятельными самые основы Марксовой системы, дает возможность для плодотворной дискуссии, которая к тому же, если принять во внимание, что обсуждению подвергается вся система в целом,— должна быть более глубокой, чем та полемика, которую обычно вызывают возражения эклектиков, покоящиеся на недоразумениях и касающиеся частных.

¹⁾ „Zum Abschluss des Marxschen Systems“ Staatswissenschaftliche Arbeiten. Berlin 1896.

²⁾ Bohm-Bawerk: „Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien“, 2-е издание. Innsbruck, 1900.

I.

Ценность как экономическая категория.

Исходный пункт Марксовой системы образует анализ товара. Против него прежде всего и обращает Бем свою критику.

Маркс не дает, якобы, ни эмпирического, ни психологического доказательства своего тезиса о том, что принцип ценности следует искать в труде; он предпочитает проложить «третий, для данного предмета, несомненно несколько странный, путь доказательства,— путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена»¹).

Он берет у Аристотеля ту мысль, что обмен не может существовать без равенства, а равенство немислимо без соизмеримости. Исходя из этого, он изображает обмен двух товаров в виде равенства, заключает, что в обеих обмениваемых и, следовательно, приравниваемых вещах должно заключаться нечто общее, имеющее одинаковую величину, и переходит к поискам того общего, к чему должны быть сведены вещи, приравненные друг к другу, как меловые ценности. Наиболее уязвимым местом Марксовой теории являются, по мнению Бема, те логические и методические операции, при помощи которых труд как бы отсеивается в качестве этого «общего свойства». Они, думает Бем, содержат в себе почти столько же основных научных ошибок, сколько отдельных положений. Прежде всего Маркс просеивает через решето из всех ценных для обмена (очевидно, годных для обмена. Р. Г.) вещей, только вещи, заключающие в себе свойство, которое он намерен в результате выделить как «общее», оставляя в стороне все осталь-

¹ См. „Geschichte" etc. стр. 511 и сл. „Zum Abschluss etc.", стр. 151

ные. А именно, он с самого начала якобы ограничивает объем своего исследования «товарами», которые он определяет, как продукта труда, в противоположность дарам природы. Однако совершенно очевидно, что если обмен действительно означает приравнивание, предполагающее наличие «чего-то общего в равном размере», то это общее должно быть налицо у всех способных к обмену благ: не только у продуктов труда, но и у явных даров природы, как земля, дерево на корню, сила воды и т. д. Исключать эти пригодные для обмена блага, значит совершать методологический смертный грех, который тем менее может быть оправдан, что некоторые из этих благ, как, например, земля, принадлежат к важнейшим объектам имущественных прав и оборота; при этом ни в коем случае нельзя утверждать, что меновые ценности (нужно было бы, конечно, сказать цены! Р. Г.) даров природы всегда устанавливаются чисто случайно. Маркс, якобы, уклоняется также от объяснения причин исключения этой категории благ. Наоборот, здесь, как и во многих других случаях, он умеет с диалектической ловкостью, напоминая изворотливость угря, обходить щекотливые места. Он будто бы избегает обратить внимание на то, что понятие «товара» уже, чем понятие блага, пригодного для обмена; наоборот, он стремится постоянно затушевывать это различие. И он должен это делать, ибо если бы Маркс в решающий момент не ограничил своего исследования продуктами труда, а попытался бы найти общее также и у природных благ, «пригодных для обмена», то, думает Бем, ясно как, день, что труд не мог бы быть этим общим свойством. Сам Маркс и его читатели должны были бы споткнуться о грубую методологическую ошибку, если бы вышеуказанное ограничение было произведено о т к р ы т о. Только удивительная диалектическая изворотливость, с помощью которой Маркс легко и быстро скользит мимо щекотливого места, сделала возможным этот кунштюк.

Только такими неправильными приемами, полагает Бем, Маркс и достигает-де того, что труд вообще мог выступить как конкурент. Прочие конкурирующие свойства устранены двумя дальнейшими соображениями, из которых каждое содержит лишь несколько слов, но зато заключает в себе грубейшую ло-

гическую ошибку. В первом из них Маркс исключает «геометрические, физические, химические или какие-либо иные естественные свойства», ибо «их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т.-е. потребительная ценность. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз своей независимостью от их потребительной ценности», ибо «в пределах менового отношения каждая данная потребительная ценность играет совершенно ту же роль, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции»¹).

Маркс, по мнению Бема, совершает здесь грубую ошибку. Он смешивает абстрагирование от какого-нибудь обстоятельства вообще с абстрагированием от специальной модальности, под которой выступает данное обстоятельство. Можно отвлечься от специальной модальности, под которой выступает потребительная ценность товара, но отнюдь не от потребительной ценности вообще. Это Маркс мог бы усмотреть уже из того, что не существует меновой ценности, которая не была бы в то же время потребительной ценностью,— обстоятельство, ему самому хорошо известное.

Здесь мы позволим себе прервать изложение хода мыслей Бема маленьким отступлением, которое осветит нам не только логику, но и психологию главы психологической школы.

Когда я отвлекаюсь от специальной модальности, под которой является потребительная, ценность, т.-е. от потребительной ценности в ее конкретной форме, то я для себя отвлекаюсь от потребительной ценности вообще, ибо для меня она существует только в этой своей конкретности, как потребительная ценность такого-то и такого-то рода. Что эта вещь для других может представлять потребительную ценность, т.-е. вообще может быть полезной для кого-нибудь, ничего не меняет в том обстоятельстве, что для меня она перестала быть потребительной ценностью. И только в тот момент, когда она перестала быть для меня потребительной ценностью, я обмениваю ее. Это имеет буквальное значение в применении к развитому товарному производству. Здесь каждый отдельный производитель произ-

¹ Ср. „Капитал“, т. I. Перев. под ред. Степанова и Базарова, стр-4.

водит один товар, который для него самого может иметь потребительную ценность разве в отдельном экземпляре, но никогда в своей массе. То, что этот товар полезен для других, является предпосылкой его пригодности к обмену, однако, будучи бесполезной для меня, потребительная ценность моего товара не может служить мериллом, хотя бы даже моей индивидуальной оценки, не говоря уже о том, чтобы быть объективным масштабом ценности. Мы не выйдем из затруднения, сказав, что потребительная ценность то-пара состоит в способности быть обмениваемым на другие товары. Ибо это означает, что величина «потребительной ценности» определяется теперь величиной меновой ценности, а не величиной меновой ценности — величиной потребительной.

До тех пор, пока блага производятся не с целью обмена, следовательно, не как товары, пока обмен представляет собой явление случайное, пока обмениваются только излишки, до тех пор блага противостоят друг другу лишь как потребительные ценности.

«Их количественные меновые отношения первоначально совершенно случайны. Обмениваются они лишь актом воли владельцев, желающих взаимно отчудить их друг другу. Между тем, потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому, с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться специально для обмена. В этот момент с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная ценность отделяется от ее меновой, ценности. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Обычай фиксирует такие количественные отношения, как величины ценностей»¹).

Фактически Маркс абстрагирует только от определенной модальности, в которой выступает потребительная ценность. Ибо потребительная ценность остается «носителем ценности».

¹ Ср. „Капитал“, т. I, стр. 57. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

Это само собой разумеется, ибо «ценность» есть лишь экономическая формулировка (Formbestimmung) потребительной ценности. Констатирование этого само собою разумеющегося обстоятельства приобретает значение лишь в виду анархии современного способа производства, которая при известных условиях (переполнение рынка!) лишает товары их потребительной ценности, а тем самым и ценности вообще.

Вернемся к Бему. Еще хуже, полагает он, обстоит дело со вторым членом в цепи Марксовых умозаключений. Маркс утверждает, что если мы отвлечемся от потребительной ценности товаров, то у них останется только одно свойство: они являются продуктами труда. Однако, спрашивает возмущенно Бем, разве у товаров не остается еще массы других свойств? Разве не обще всем им свойство обладать той или иной степенью редкости по отношению к потребности или быть предметом спроса и предложения, предметом присвоения, продуктом природы, или обуславливать, издержки производства, — свойство, о котором Маркс так отчетливо вспоминает в третьем томе. Почему принцип ценности не должен заключаться в одном из этих свойств? Ибо ведь в пользу труда Маркс, по мнению Бема, не привел ни одного положительного основания, но только отрицательные, доказывая, что этим общим не может быть потребительная ценность, от которой он так счастливо отделался при помощи абстрагирования. Но разве это отрицательное основание не может в равной мере послужить на пользу всем прочим общим свойствам, пропущенным (!) Марксом? Более того: Маркс же сам замечает: «вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем работ, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих работ; последние не различаются более между собою, но сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду»¹). Ведь этим он говорит, что для менового отношения не только любой вид потребительной ценности, но и любой вид труда «играет ту же роль, как и всякий другой, если только он имеется в надлежащей пропорции». Те же самые моменты, основываясь на ко-

¹ Ср. „Капитал“, т. I., стр. 4. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

торых Маркс только что исключил потребительную ценность, остаются, думает Бем, в силе и по отношению к труду. Труд и потребительная ценность, говорит Бем, имеют качественную и количественную сторону. Так же, как различны потребительные ценности стола и пряжи, различны труд столяра и труд прядильщика. И так же, как разные виды труда можно сравнивать в количественном отношении, точно так же различного рода потребительные ценности можно сравнивать по их величине. Совершенно необъяснимо, почему тождественные условия должны вести к исключению одного конкурента и к увенчанию другого. Маркс, по мнению Бема, с тем же успехом мог бы применить обратный прием и устранить труд путем такой же абстракции.

Так отражается логика и методология Маркса в голове Бема. По мнению последнего, Маркс применяет совершенно произвольные приемы. Хотя он и вводит весьма хитро в обмен только продукты труда, на что он, по мнению Бема, не имеет никакого права, но ему все же так и не удастся принести хотя бы малейшее доказательство того, что общее свойство товаров, которое должно быть налицо при обмене, следует искать в труде. Марксу, так полагает Бем, ничуть не больше, чем представителям классической политической экономии, посчастливилось в поисках хотя бы малейшего доказательства того положения, что труд составляет принцип ценности.

Критический вопрос Бема, на который Маркс, якобы, дал столь неправильный ответ, сводится к тому, насколько Маркс имел право объявить труд единственно создающим ценность, и наша антикритика должна, прежде всего, показать, что анализ товара содержит в себе искомый ответ.

Бем усматривает в Марксовом анализе противопоставление полезности и свойства быть продуктом труда. Однако, здесь,— и в этом мы согласны с Бемом, - нет никакой противоположности. Большинство вещей, чтобы стать полезными, должны сначала подвергнуться обработке. Наоборот, для оценки полезности вещи безразлично, стоила ли она труда и в каком количестве. То обстоятельство, что данное благо является продуктом труда, еще не делает его товаром. Но только, как т о в а р, благо определяется противоположностью потребительной ценности и

ценности. Но благо становится товаром, когда оно вступает в отношение к другим благам,— в отношение, которое становится явным в обмене и с к о л и ч е с т в е н н о й точки зрения выступает как меновая ценность блага. Свойство функционировать в качестве меновой ценности и составляет характер блага, как товара. Но один товар сам по себе не может вступать в отношение к другому; это вещественное отношение различных благ друг к другу может быть лишь выражением личного отношения их владельцев. Но как товаровладельцы, они выступают в качестве носителей определенных производственных отношений, в качестве независимых друг от друга и равных производителей, выполняющих частные работы, но частные работы особого рода, имеющие в виду не личное потребление, а обмен, следовательно, частые работы, которые предназначены не для индивидуального, а для общественного удовлетворения потребностей. Таким образом, при помощи обмена продуктов восстанавливается общественная связь в коллективе, разложенном на атомы, благодаря частной собственности и разделению труда.

Товар, таким образом, есть э к о н о м и ч е с к о е выражение, т.-е. выражение общественных отношений независимых друг от друга производителей, поскольку связь между ними поддерживается обменом благ. Противоположность определений товара, как потребительной ценности и ценности, противоположность натуральной и ценностной формы, выступает теперь перед нами, как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является естественной вещью, а, с другой стороны,— о б щ е с т в е н н о й вещью. Здесь, таким образом, мы действительно имеем дело с дихотомией, когда один член исключает другой и наоборот. Однако, это лишь противоречие способов рассмотрения. Товар есть единство потребительной ценности и ценности, и лишь способ рассмотрения является двояким: как вещь, относящаяся к миру природы, он является предметом естественных наук, как общественная вещь, товар — объект общественной науки, политической экономии. Предметом политической экономии является, таким образом, общественная сторона товара, блага, поскольку последнее является символом общественной связи, в

то время, как естественная сторона, потребительная ценность, лежит вне поля зрения политической экономии ¹).

Но товар может быть выражением общественных отношений лишь постольку, поскольку он сам рассматривается как продукт общества, как вещь, на которую общество наложило свою печать. Однако, для общества, которое ничего не обменивает, товар есть не что иное как продукт труда. И члены общества могут вступать друг с другом в экономические отношения, лишь постольку они работают один для другого. Это материальное отношение в своей исторически определенной форме выступает как обмен товаров. Продукт всего общественного труда представляется как совокупная ценность, которая в отдельном товаре получает количественное определение, проявляясь как меновая ценность.

Если товар для общества является продуктом труда, то теперь труд, благодаря этому, получает определенный характер — общественно-необходимого труда. Товар не выступает более как продукт труда различных субъектов; наоборот, эти последние являются простыми «органами труда». Труд отдельных лиц превращается для экономического рассмотрения в свою противоположность, в общественный труд. Условия труда, создающего ценность, являются, следовательно, общественными определениями труда или определениями общественного труда.

Процесс абстракции, при помощи которого Маркс переходит от понятия конкретного, частного труда к абстрактно-человеческому, общественному труду, не только не идентичен, как полагает Бем, но прямо противоположен тому, с помощью которого Маркс исключает потребительную ценность.

Потребительная ценность есть индивидуальное отношение вещи к человеку. Если я абстрагируюсь от его конкретности, — а я должен это делать, если я отчуждаю вещь, и этим пока-

¹ "Этим объясняется, почему немецкие компиляторы толкуют *con amore* о потребительной ценности, обозначая ее именем "благо"... разъяснения понятия о благах следует искать в "руководствах по товароведению" (ср. "Критика некоторых положений политической экономии" Стр. 2, Пер .П. П. Румянцева. 1896). Тот, кому знакомы новейшие "основы" наших профессоров политической экономии, сумеет оценить актуальность этого, написанного в 1859 замечания *post tot discrimina rerum*.

зываю, что она перестала для меня быть потребительной ценностью — то я разрушаю этим данное индивидуальное отношение. Однако, потребительная ценность только в своей индивидуальности может быть масштабом моей личной оценки. Если же я, напротив того, абстрагируюсь от того конкретного способа, которым я затратил свой труд, то, во всяком случае, остается налицо факт, что труд вообще, в его всеобщей человеческой форме, был затрачен; это — объективная величина, мерой которой является ее продолжительность во времени.

Это и есть та объективная величина, которая интересует Маркса. Он ищет ту общественную связь, которая соединяет внешне разъединенных агентов производства. Общественное производство, а вместе с тем соответствующая ему материальная основа общества, с качественной стороны, определяется способом организации общественного труда; эта организация, возникнув в силу причинной зависимости из экономической потребности, вскоре фиксируется юридически в законе. Это «внешнее регулирование» образует логическую предпосылку экономики; оно дает те формы движения, в которых отдельные члены общества, работающие или располагающие трудом других, вступают в отношения друг к другу. В обществе, построенном на разделении труда и индивидуальном владении, это отношение выступает в форме обмена и выражается как меновая ценность. Общественная связь является результатом частных отношений и притом результатом отношений не отдельных лиц, но отдельных вещей. Это именно и мистифицирует всю проблему. Но когда вещи вступают в отношение друг к другу, то труд отдельного лица, их создавший, приобретает значение лишь постольку, поскольку он заключает в себе расходование своей собственной противоположности — общественно-необходимого труда.

Таким образом, результат качественно определенного общественного процесса производства количественно выражается в общей массе качественного общественного труда. Как определенная часть общественного продукта труда — а только в этом качестве он и фигурирует в меновом обороте — отдельный товар определяется количественно содержащейся в нем долей совокупного рабочего времени.

Следовательно, товар, как ценность, определяется с общественной точки зрения, он — общественная вещь. Только, как таковая, он рассматривается в экономической науке. Но если задача экономического анализа общественного строя состоит в том, чтобы открыть внутренний закон движения этого общества, и если закон ценности призван оказать нам эту услугу, то принцип ценности не может заключаться не в чем ином, как в том моменте, к изменению которого в конечном счете могут быть сведены все изменения общественного строя.

Всякая теория ценности, которая исходит из потребительной ценности, а, следовательно, из естественных свойств вещи,— все равно из ее ли закопченной формы, как полезной вещи, или из ее функции, заключающейся в удовлетворении потребностей, — исходит из индивидуального отношения между вещью и человеком вместо того, чтобы походить из общественных отношений людей друг к другу. Она впадает, таким образом, в ошибку, которая заключается в желании вывести объективное общественное мерило из этого субъективного, индивидуального отношения, которое может служить исходным пунктом лишь для субъективных оценок. Но так как это индивидуальное отношение равным образом присуще всем состояниям общества и само и себе не заключает принципа изменения, ибо развитие потребностей и возможности их удовлетворения, в свою очередь сами обусловлены, то эта теория должна отказаться от поисков общественных законов движения и тенденции общественного развития. Ее точка зрения не исторична и не социальна. Ее категории это — естественные и вечные категории.

В противоположность этому Маркс, исходя из труда в его значении элемента, конституирующего человеческое общество и своим развитием определяющего в последней инстанции общественное развитие, принимает в качестве принципа ценности тот фактор, качественная и количественная стороны которого — организация и производительная сила — причинно господствуют над общественной жизнью. Поэтому, основное понятие политической экономии то же, что и основное понятие исторического материализма. Оно должно быть одним и тем же, так как экономии-

ческая жизнь есть только часть исторической жизни, и, следовательно, экономическая закономерность должна быть такой же, как и историческая. Поскольку труд в его общественной форме становится мерилom ценности, политическая экономия конституируется как историческая и общественная наука. Вместе с тем, экономическое исследование ограничивается определенной эпохой исторического развития, когда благо становится товаром, т.-е. когда труд и право распоряжения им не возводятся сознательно в принцип, регулирующий общественный обмен веществ и общественную власть, но когда этот принцип пролагает себе путь бессознательно и автоматически, как естественное свойство вещей, при чем своеобразная форма, которую общественный обмен веществ принимает в обмене, приводит к тому, что труд отдельных лиц лишь постольку приобретает значение, поскольку он является общественным трудом. Общество тем самым распределило необходимое для него количество работы между своими членами и сказало каждому, сколько труда он должен затратить. Но отдельные лица об этом забыли, и лишь впоследствии, в самом общественном процессе, они узнают, какова была их доля.

Итак, закон ценности потому обладает реальностью, и труд потому является принципом ценности, что он есть та общественная связь, которая соединяет разложенное на атомы общество, а не потому, что он является важнейшим техническим фактом. Взяв исходным пунктом общественно-необходимый труд, Маркс создает возможность понять внутренний механизм общества, базирующегося на частной собственности и разделении труда. Для него индивидуальное отношение между человеком и благом служит предпосылкой; в обмене выявляется не различие индивидуальных оценок, а равенство исторически определенных производственных отношений; только при наличии этих производственных отношений хозяйственное благо превращается в товар, как в символ, как в вещественное выражение личных отношений, как в носителя общественного труда; и только в качестве символа, выражающего производную тех же производственных отношений, может принимать характер товара и продукт, не являющийся результатом труда.

Мы, таким образом, подошли к возражению Бема: каким образом продукты природы могут иметь «меновую ценность». Естественные условия, в которых совершается труд, даны обществу, как нечто неизменное; из них, следовательно, нельзя вывести изменения общественных отношений. Изменяется только способ, которым труд достигает господства над этими естественными условиями. Степень, в которой это ему удастся, определяет степень производительности труда. Изменение производительности касается лишь Конкретного труда, создающего потребительные ценности; однако, в то время, как масса, продуктов, в которой находит себе воплощение труд, создающий ценность, возрастает или уменьшается, в каждом отдельном экземпляре овеществляется большее или меньшее количество труда, чем раньше. И поскольку какая-нибудь сила природы находится в распоряжении одного лица и дает ему возможность работать с производительностью большей, чем средняя общественная производительность труда, постольку он в состоянии реализовать некоторую дополнительную прибавочную ценность. Эта сверхценность, будучи капитализирована, представляет собой цену силы природы и того участка земли, с которым она связана. Земля не есть товар; она получает, однако, характер товара в длительном историческом процессе как условие производства товаров. Выражение ценность или цена земли есть лишь иррациональная форма, скрывающая за собой действительные производственные, а, следовательно, ценностные отношения. Земельная собственность не создает той части ценности, которая превращается в сверхприбыль, но она позволяет землевладельцу переложить эту сверхприбыль из кармана, фабриканта в свой собственный карман. Приписывая дарам природы собственную ценность, Бем впадает в физиократическую иллюзию, будто рента проистекает из природы, а не из общества.

Так Бем смешивает повсюду естественные условия с общественными. Это проявляется особенно ясно в его перечне тех общих свойств, которые еще имеются у товаров. Тут перед нами пестрая смесь: факт присвоения есть юридическое выражение исторических отношений, которые мы должны предполагать для того, чтобы вообще был возможен обмен благ; это — «доэкоко-

мический» факт; каким образом он может стать количественным мерилем, совершенно непонятно. Выть продуктом природы, это — естественное свойство товаров, которое опять-таки никоим образом не делает их сравнимыми в количественном отношении. Что они, далее, являются объектом потребности и по отношению к ней могут быть более или менее редкими — образует их потребительную ценность; ибо относительная редкость делает их субъективно предметом оценки и, следовательно, потребительной ценностью, в то время как объективно, с общественной точки зрения, их редкость есть функция затраты труда и в ее величине находит себе объективное мерило.

* * *

Как в предыдущем Бем не различает естественных и общественных определений товара, так в дальнейшем он смешивает точку зрения на труд, поскольку последний создает потребительные ценности, с точкой зрения на труд, поскольку он создает ценность, и находит затем новое противоречие закона ценности с опытом, о котором Маркс, однако, с диалектической ловкостью говорит как о незначительном варианте своего тезиса, тогда как оно является-де прямым опровержением этого последнего.

Маркс говорит, что сложный труд равен определенному количеству простого труда. Далее он учил, что вещи, приравняемые друг другу в обмене, должны иметь «нечто общее в равном количестве, и что этим общим является труд, измеряемый временем. Однако факты отнюдь не согласуются с этим требованием. Ибо сложный труд, например, в производстве скульптора вовсе не содержит в себе простого труда, не говоря уже об определенном количестве простого труда, которое можно было бы приравнять, например, к пятидневному труду рабочего в каменоломне. Трезвая истина (действительно, весьма трезвая!) говорит, что оба продукта воплощают различные виды труда в различном количестве: это — полная противоположность тому положению, на котором настаивает Маркс, будто они воплощают одинаковые количества труда одного и того же рода».

Мы должны здесь мимоходом заметить, что «одинаковые количества», т.-е. количественное равенство здесь не играет роли. Дело идет только о сравнимости различных видов труда, следовательно, о возможности их сведения к одной и той же единице, следовательно, об их качественном равенстве.

Правда, продолжает Бем, Маркс говорит: «опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его ценность делает его равным продукту простого труда и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду, как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем»¹).

Однако, по Бему, эта апелляция к опыту и к ценности означает только порочный круг в объяснении. Ибо предметом опыта являются отношения обмена; почему, например, труд скульптора ценится в пять раз выше простого труда? Маркс говорит, что труд скульптора представляет пятикратную ценность: этому нас учит опыт, который показывает, что это сведение совершается в общественном процессе. Однако, как раз этот общественный процесс, пишет Бем, и должен быть объяснен. Если бы фактически меновым отношением было 1:3, а не 1:5, то Маркс-де рекомендовал бы нам принять этот масштаб редукции, как установленный опытом.. Мы, резюмирует Бем, таким образом, не узнаем ровно ничего о действительной причине — почему продукты различных видов труда обмениваются в том или ином отношении. В этом решающем пункте закон ценности нам изменяет.

Это и есть то знаменитое возражение, которое не один только Бем выдвигает с такой настойчивостью. Всякий «мыслящий» читатель, существование коего Маркс со своим известным «социальным оптимизмом» предполагает в предисловии (нам кажется, что это единственное необоснованное предположение, когда-либо сделанное Марксом), чувствует в этом пункте про-

¹ Ср. "Капитал", т. I, стр. 11 —12. Пер. под ред. Степанова и Базарова

бел, и на этот пробел делались указания даже из «более или менее марксистского» лагеря — Бернштейном, К. Шмидтом и Каутским.

Присмотримся поближе к вопросу. Прежде всего сам Бем говорит, что различие состоит только в том, что в одном случае мы имеем дело со сложным, а в другом случае — с простым трудом. Таким образом ясно, что различие в величине ценности должно быть сведено к различию труда. Тот же самый продукт природы может в одном случае быть предметом простого труда, а в другом случае — сложного и, смотря по этому, получить большую или меньшую ценность. Следовательно, л о г и ч е с к о г о противоречия с законом ценности здесь вовсе не имеется. Речь может идти только о том, необходимо ли отыскание масштаба для сведения сложного труда к простому, и не являются ли возникающие при этом затруднения совершенно непреодолимыми, так что, предположив, что нам необходимо знать этот масштаб, мы должны были бы, в случае неудачи, считать самое понятие ценности непригодным для объяснения экономических процессов.

Вспомним здесь еще раз ход мысли Маркса. В том месте, которое цитировалось выше, он говорит: «его ценность (т.-е. ценность товара, созданного сложным трудом) делает его равным продукту простого труда». Чтобы понять этот процесс мы в анализе ценности должны принимать всю находящуюся в данный момент в распоряжении общества сумму труда, как сумму, состоящую из однородных частей, определяемых лишь с количественной: стороны, а отдельные затраты труда, поскольку они создают ценность,— как пропорциональные доли этой общей суммы. Но я могу рассматривать совокупный труд, как нечто качественно однородное, лишь в том случае, если я могу свести его к некоторой общей единице измерения. Этой единицей является «простой средний труд», который заключается «в расходовании простой, средней рабочей силы, которой располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой» ¹). Сложный труд составляет кратное этой единицы, простого среднего труда. Но какое кратное? Это, говорит Маркс, устанавливается

¹ Ср. "Капитал", т. I, стр. 11. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

общественным процессом за спиной производителей. Но Бем отказывается признать какое-либо значение за этой ссылкой на опыт. Теория ценности, по его мнению, совершенно отказывается здесь служить нам. Ибо «ни одно из присущих квалифицированному труду свойств не определяет a priori и не дает возможности определить, какой пропорцией следует пользоваться, чтобы свести его, с точки зрения образования ценности к простому труду, а все решает фактический результат, фактические отношения обмена»¹). Бем требует, следовательно, масштаба редукции, чтобы иметь возможность наперед устанавливать абсолютную величину цен; ибо объяснение феномена цен составляет, как говорит в другом месте Бем, задачу экономической науки.

Но разве отсутствие масштаба редукции действительно означает непригодность закона ценности? В характерной противоположности к Бему Маркс видит в теории ценности не средство к теоретическому установлению цен, но сродство открыть законы движения капиталистического общества.

А б с о л ю т н а я величина цен есть исходный пункт этого движения, данный в опыте; по для самого движения абсолютная величина, цен играет второстепенную роли; дело идет только о том, чтобы установить закон ее изменения. Составляет ли какой-либо определенный квалифицированный труд, например, труд скульптора, четырех- или шестикратное простого труда, например, труда портного, это совершенно безразлично. Но важно то обстоятельство, что удвоенная или утроенная производительность в сфере сложного труда, понизит ценность его продукта, по сравнению с продуктом неизменившегося простого труда в два или в три раза.

Абсолютная величина цен дана, нам в опыте; но что нас интересует так это з а к о н о м е р н о с т ь и з м е н е н и я этих цен. Это изменение, как и всякое изменение, объясняется действием силы; а так как здесь идет речь об изменениях в общественных явлениях, то это—следствие некоторой общественной потенции, изменяющейся по своей величине, а именно—производительной силы общества.

¹ "Zum Abschluss des Marxschen Systems," стр. 167.

Закон ценности, констатируя, что это развитие производительной силы в последней инстанции определяет изменения цен, дает возможность постичь законы этих изменений; а так как все экономические явления обнаруживаются в изменениях цен, то этим дается возможность познания экономических явлений вообще. Рикардо, сознавая неполноту своего анализа закона ценности, говорит поэтому прямо, что исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается влияний, изменений относительной ценности товаров, но не их абсолютной ценности.

Отсутствие масштаба редукции, следовательно, никоим образом не уменьшает значения закона ценности, как средства к познанию внутренней закономерности хозяйственного механизма. Однако этот недостаток имел бы значение в другом отношении. Если абсолютная величина цены практически и устанавливается лишь общественным процессом, то в понятии ценности должны все же заключаться все те элементы, которые дают возможность теоретического выяснения того процесса, который совершается в обществе при редукции. В противном случае, этот процесс, который имеет решающее влияние на высоту ценности, правда, не утратил бы своей реальности и не стоял бы в противоречии с законом ценности, но закон ценности объяснял бы в таком случае лишь одну важнейшую сторону экономических феноменов — их изменения, но оставлял бы необъясненной другую сторону, — исходную точку этих изменений.

И все-таки, когда Бем спрашивает о качествах, присущих квалифицированному труду и составляющих его способность создавать ценность, то ошибка заключается уже в самой постановке вопроса. Ибо свойство создавать ценность не присуще никакому труду, как таковому (*an sich*). Но труд образует ценность только при известном способе организации общественного процесса производства. Поэтому, из рассмотрения отдельного труда, в его конкретности, мы вообще не приходим к понятию труда, образующего ценность. Следовательно, и сложный труд, в качестве труда, создающего ценность, должен рассматриваться не сам по себе, но как часть общественного труда.

И вот спрашивается: что же представляет из себя сложный труд, с точки зрения общества? Только таким образом мы можем надеяться найти опорные пункты для уяснения тех принципов, по которым совершается эта общественная редукция. Эти принципы, очевидно, не могут быть иными, кроме тех, которые содержатся в законе ценности. Но здесь мы наталкиваемся на затруднение. Закон ценности имеет силу для товаров, труд же не есть товар, хотя он и выступает в качестве такового в категории заработной платы. Только рабочая сила есть товар и обладает ценностью; труд создает ценность, но сам он не есть ценность. Вычислить ценность рабочей силы, выполняющей сложную работу, нетрудно; как и для всякого товара она определяется количеством труда, необходимым для ее производства и воспроизводства, т.-е. издержек на содержание и обучение. Однако здесь речь идет не о ценности квалифицированной рабочей силы; нас занимает вопрос, каким образом и в какой пропорции квалифицированный труд создает большую ценность, чем простой.

Мы не можем выводить большую ценность продукта квалифицированного труда, из более высокой заработной платы квалифицированного работника. Это означало бы выводить ценность продукта из «ценности труда». Правда, Бернштейн ¹⁾ предлагает такое решение и думает, что он при этом может опереться на цитату из Маркса. Однако если прочесть это место в том контексте, из которого его вырвал Бернштейн; то мы найдем в нем противоположность того, что хотел из него вывести Бернштейн. Маркс говорит: «Уже раньше было отмечено, что с точки зрения процесса увеличения ценности, совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой средний общественный труд или более сложный труд, труд более высокого удельного веса. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда, по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит больше рабочего времени, и кото-

¹ Ed. Bernstein: „Zur Theorie des Arbeitswertcs“. „Neue Zeit“, XVIII. Jahrgang. I, стр. 359.

рая имеет поэтому более высокую ценность, чем простая рабочая сила. Если ценность этой рабочей силы выше, то и проявляется она зато (aber auch) в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких ценностях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает ценность своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную ценность. И в этом случае, прибавочная ценность получается лишь вследствие количественного излишки труда, вследствие большей продолжительности все того же процесса труда: в одном случае—процесса производства пряжи, в другом случае—процесса ювелирного производства»¹). Итак, вопрос, которым задается Маркс, сводится к тому, каким образом труд, высший по качеству, может создавать прибавочную ценность, несмотря на высокую заработную плату, следовательно, независимо от величины необходимого труда.

Ход мыслей этого цитируемого Бернштейном места полностью гласил бы следующее: если ценность этой рабочей силы выше, то она, тем не менее, может производить прибавочную ценность, потому что она, проявляется в более высоком труде, и т. д.

Маркс выпускает связующее предложение и присоединяет следующее предложение при помощи союза «зато» (aber auch), в то время как, если бы Бернштейн был прав, на место «зато» должно было бы стоять «поэтому» (daher). Заключение от высоты заработной платы к ценности продукта труда противоречит самым грубым образом теории Маркса. При данной ценности рабочей силы, я мог бы лишь в том случае вычислить ценность, вновь создаваемую этой рабочей силой, если бы мне была известна норма эксплуатации. Однако если последняя и будет мне известна по отношению к простому труду, то я не вправе принимать ту же степень эксплуатации также и для сложного труда. Она могла бы быть, скажем, значительно более низкой. Следовательно, заработная плата квалифициро-

¹ Ср. „Капитал“, т. I, 174—175. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

ванного работника не дает ни прямых, ни косвенных указаний относительно ценности, вновь создаваемой этой рабочей силой. Физиономия, которую теория Маркса сделала бы по поводу интерпретации Бернштейна,— последний полагает, что эта теория в его понимании примет совершенно иную физиономию, — вряд ли могла бы скрыть черточку иронии. Мы должны, следовательно, попытаться найти решение проблемы иным путем.

Простой средний труд есть расходование простой рабочей силы, квалифицированный же или сложный труд есть расходование квалифицированной рабочей силы. Однако чтобы создать эту сложную рабочую силу, потребовался ряд простых трудовых процессов. Последние накоплены, в личности квалифицированного работника; и только когда он начинает работать, трудовые усилия, затраченные на его обучение, реализуются для общества. Труд обучающихся не только переносит ценность (которая выступает в повышенной заработной плате), но и свою собственную, созидающую ценность, силу. Труд, затраченный на обучение, существует для общества в скрытой форме и проявляется лишь тогда, когда сложная рабочая сила начинает применяться. Ее расходование означает поэтому одновременное расходование тех простых форм труда, которые заключаются в ней в конденсированном виде.

Простая рабочая сила, будучи применена к производству квалифицированной рабочей силы, создает, с одной стороны, ценность этой рабочей силы, которая находит свое выражение в заработной плате квалифицированного рабочего; с другой стороны, конкретным способом своего применения; она создает новую потребительную ценность, которая заключается в том, что теперь имеется налицо рабочая сила, создающая ценности со всеми теми возможностями, которые были заложены в простом труде, затраченном на образование этой силы. Следовательно, поскольку простой труд, затрачивается для производства сложного труда, он, с одной стороны, создает новую ценность, а с другой, переносит на свой продукт свою потребительную ценность — способность быть источником новых ценностей. Простой труд, поскольку он затрачивается на про-

изводство сложной рабочей силы, остается, с общественной точки зрения, в скрытом состоянии. Его действие для общества начинается только в тот момент, когда квалифицированная рабочая сила, им созданная, начинает применяться на деле. В акте расходования этой последней мы совершаем затрату суммы простых трудовых усилий и, следовательно, создаем сумму ценностей и прибавочных ценностей, соответствующую той сумме ценностей, которую создали бы простые трудовые акты, необходимые для образования квалифицированной рабочей силы и ее функции квалифицированного труда. Сложный труд является, таким образом с общественной точки зрения, т.-е. экономически, производением простых трудовых актов, сколь бы различными ни казались простой и квалифицированный труд, с других точек зрения—физиологической, технической или эстетической.

В продукте сложного труда общество оплачивает эквивалент той ценности, которую создали бы простые трудовые процессы, если бы они были непосредственно потреблены обществом.

Чем больше простых трудовых процессов содержит в себе сложный труд, тем выше та ценность, которую он создает, ибо, на самом деле, для создания данного продукта здесь одновременно расходуется множество простых трудовых усилий; сложный труд является действительно умноженным простым трудом. Поясним сказанное наглядным примером. Некто имеет в своем распоряжении десять аккумуляторов, которые приводят в движение десять различных машин. Для производства какого-либо нового продукта ему нужна другая машина, которая требует гораздо более сильного двигателя. Он в этом случае использует десять аккумуляторов, чтобы зарядить ими один, который был бы в состоянии привести в движение новую машину. Силы отдельных аккумуляторов являются теперь, в новом аккумуляторе, одной единственной силой, которая представляет собой десятикратное простой средней силы.

В сложном труде могут содержаться не только простые, но и сложные трудовые процессы другого рода, которые, в свою очередь, должны быть редуцированы. Чем больше других сложных трудовых процессов заключено уже в квалифици-

рованном труде, тем короче будет процесс образования квалифицированного труда.

Таким образом, Марксова теория ценности дает нам средство познать те принципы, по которым совершается общественный процесс редукции сложного труда к простому. Она, таким образом, делает величину ценности теоретически измеряемой величиной. Но когда Бем требует от Маркса, чтобы он дал эмпирическое доказательство своей теории, и полагает, что это доказательство заключалось бы в установлении отношения между меновыми ценностями или ценами и рабочим временем, то он смешивает теоретическую и практическую измеримость. То, что я могу установить на основании опыта, это — конкретная затрата труда, потребованная для производства определённого блага. Насколько этот конкретный труд означает общественно-необходимый труд, в какой мере он, следовательно, может быть принят в расчет, как создающий ценность, я мог бы установить, лишь зная данный средний уровень производительности и интенсивности, которого достигла производительная сила, и то количество данного блага, которое потребно для общества. Это значит, однако, требовать от отдельной личности того, что выполняется обществом. Ибо общество является тем искусным счетоводом, который один может вычислить высоту цен; метод, которым он при этом пользуется, есть конкуренция. Рассматривая в свободном соревновании на рынке конкретные трудовые затраты отдельных производителей, как одно целое, и возмещая их лишь постольку, поскольку их расходование было общественно необходимо, общество лишь здесь выясняет, в какой мере эти конкретные трудовые затраты фактически участвовали в процессе создания ценности, и сообразно с этим устанавливает цены. Именно иллюзия, будто теоретический масштаб может явиться непосредственным практическим мерилем, привела к утопии рабочих денег и конституированной ценности. Это — тот взгляд, который в теории ценности видит не средство «открыть закон движения современного общества», а средство составить возможно более устойчивый и справедливый преискурант.

Именно поиски подобного преискуранта привели недавно г. Буха к теории, которая для определения цен не нуждается

в иных предпосылках, кроме цены. Однако, и психологическая теория «ценности» не идет дальше этого.

Она обозначает различные степени удовлетворении потребностей определенными, но произвольно выбранными числами и рассматривает эти числа как цены, которые покупатели согласны дать за средства удовлетворения потребностей. Сущность приема затушевана тем, что предполагается не одна цена, но целый ряд произвольных цен.

Эмпирическое доказательство правильности теории ценности лежит, однако, совсем не там, где его ищет Бем. Если теория ценности должна дать ключ к пониманию капиталистического способа производства, то она должна объяснять все явления последнего, не впадая в противоречия. Фактический ход вещей в капиталистическом мире не должен противоречить теории, но воплощать ее в действительности. Бем это, однако, оспаривает. Третий том «Капитала», где Маркс, по мнению Бема, не мог уже абстрагироваться от фактов, якобы показал, что фактическое положение вещей не может быть согласовано с предпосылками теории ценности. Выводы третьего тома стоят в резком противоречии с выводами первого тома. Теория, как думает Бем, потерпела крушение при соприкосновении с действительностью. Ибо эта последняя показывает, что закон ценности недействителен в применении к обмену, так как товары обмениваются по ценам, постоянно-отклоняющимся от их ценности. Противоречие делается-де очевидным при рассмотрении проблемы средней нормы прибыли. Марксу, якобы, только потому и удалось найти решение, что он просто-напросто отказался от своего закона ценности. И этот упрек в противоречии с самим собой, после того, как его сделал Бем, стал общим местом всей буржуазной политической экономии; в лице Бема мы критикуем, таким образом, представителя буржуазной критики третьего тома «Капитала».

II.

Ценность и средняя прибыль.

Проблема, о которой идет речь, известна, Органический состав капитала, отношение c (постоянного капитала, заключающегося в средствах производства) к v (переменному капиталу, вложенному в заработную плату) различно в различных отраслях производства. Но так как только переменная часть капитала производит новую ценность, а, следовательно, и прибавочную ценность, то количество прибавочной ценности, произведенное двумя капиталами одинаковой величины, различно, смотря по органическому составу этих капиталов, т.-е. в зависимости от пропорции, в которой капитал в целом распадается на постоянную и переменную часть. Вследствие этого будет различной и норма прибыли, отношение прибавочной ценности ко всему капиталу. Согласно закону ценности, равные капиталы дают различную прибыль, смотря по количеству живого труда, которое они приводят в движение. Это противоречит действительности, в которой равные капиталы, каков бы ни был их состав, всегда приносят равную прибыль. Как объяснить себе это «противоречие»?

Послушаем сначала Маркса.

Прежде всего ясно, «что вся трудность получается благодаря тому, что товары обмениваются не просто как т о в а р ы, но как продукты капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или, при равенстве их, на равное участие во всей массе прибавочной ценности»¹).

Но капитал, который был авансирован на производство ка-

¹ Ср. "Капитал" III₁, стр. 153—154. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

кого-либо товара, образует издержки производства этого товара. «В издержках производства ($c + v$) для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100£ стоит одинаково дорого, должен ли он затратить $90c + 10v$ или $10c + 90v$. Товар, во всяком случае, обходится ему в 100£, не больше, не меньше. Издержки производства в различных сферах производства одни и те же при равновеликих затратах капитала, как бы ни были различны между собой произведенные ценности и прибавочные ценности. Это равенство издержек производства образует базис для конкуренции применяемых капиталов, при помощи которой осуществляется средняя прибыль»¹).

Для наглядного изображения действия капиталистической конкуренции Маркс набрасывает следующую таблицу, причем норма прибавочной ценности $\frac{m}{v}$ всюду одна и та же, а от постоянного капитала в ценность продукта входят, смотря по степени снашивания, доли различной величины.

КАПИТАЛ.	Норма прибавочной ценности	Прибавочная ценность	Норма прибыли	Потребленный постоянный капитал	Ценность товаров
I. $80c + 20v$	100%	20	20%	50	90
II. $70c + 30v$	100%	30	30%	51	111
III. $60c + 40v$	100%	40	40%	51	131
IV. $85c + 15v$	100%	15	15%	40	70
V. $95c + 5v$	100%	5	5%	10	20

В этой таблице мы видим при одинаковой величине совокупного капитала, в пяти различных сферах и при одной и той же норме эксплуатации, весьма различные нормы прибы-

¹ Ср. "Капитал" III₁, стр.131—132. Перев. под ред. Степанова и Базарова

ли, соответственно различному ограниченному составу. Если же мы будем рассматривать эти вложенные в различные сферы производства капиталы, как одни капитал, а подразделения от I до V лишь как его части (подобно тому, как на бумагопрядильной фабрике в различных отделениях — кардовальном, в предпрядильне, тонко-прядильне и ткацкой — существуют различные отношения между постоянным и переменным капиталом, откуда лишь путем вычисления можно получить среднее для всей фабрики), то для совокупного капитала = 500 мы имели бы прибавочную ценность в 110 и общую ценность товаров = 610. Средний состав капитала был бы $500 = 390c + 110v$ или в процентах $78c + 22v$. Если каждый из капиталов рассматривать только как $\frac{1}{5}$ совокупного капитала, т.-е. считать равным 100, то его состав, равнялся бы среднему $78c + 22v$; точно так же на каждые 100 приходилось бы в среднем прибавочной ценности 22; поэтому, и средняя норма прибыли равнялась бы 22 процентам. Товары должны были бы продаваться согласно следующей таблице:

КАПИТАЛ.	Прибавочная ценность	Потребленн ый постоянный капитал	Ценность товаров	Издержки производств а товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от ценности
I. $80c + 20v$	20	50	90	70	92	20%	+2
II. $70c + 30v$	30	51	111	81	103	30%	-8
III. $60c + 40v$	40	51	131	91	113	40%	-18
IV. $85c + 15v$	15	40	70	55	77	15%	+7
V. $95c + 5v$	5	10	20	15	37	5%	+17

Товары, следовательно, продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже их ценности, так что отклонения цен взаимно уравниваются, вследствие равномерного распределения прибавочной ценности или вследствие одинаковой надбавки к издержкам производства товаров I до V средней прибыли в размере 22 на 100 затраченного капитала; в том же самом отношении, в котором одна часть товаров, продается выше

своей ценности, другая продается ниже этой последней. И только продажа по таким ценам делает возможным то, что норма прибыли от I вплоть до V одинакова, несмотря на различный органический состав капиталов в этих подразделениях.

«Вследствие различного органического состава капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому, вследствие того обстоятельства, что капиталы равной величины приводят в движение очень различные количества труда, в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины, равновеликими капиталами присваиваются очень различные количества прибавочного труда, или производятся очень различные массы прибавочной ценности. Соответственно этому, нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально очень различны. При помощи конкуренции различные нормы прибыли уравниваются, образуя общую норму прибыли, предоставляющую среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, падающая, согласно этой общей норме, на капитал данной величины, каков бы ни был органический состав, называется средней прибылью. Цена производства есть цена, товара, равная его издержкам производства, плюс причитающаяся на его долю, в зависимости от условий его оборота, часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый для производства товара (а не только действительно потребленный на его производство)... Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают назад капитальные ценности, затраченные на производство этих товаров, однако, они реализуют не ту прибавочную ценность, а, следовательно, и не ту прибыль, которые произведены в их собственной отрасли при изготовлении этих товаров; они получают лишь столько прибавочной ценности, а, следовательно, и прибыли, сколько на каждую соответствующую часть всего капитала общества приходится из всей прибавочной ценности или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. Каждый авансированный капитал, каков бы ни был его состав, приносит в течение года или иного промежутка времени столь-

ко прибыли на 100 сколько ее за этот же промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело катается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного предприятия, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций»¹).

Средняя прибыль есть не что иное, как прибыль на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной ценности, а цены, полученные путем прибавки этой средней прибыли к издержкам производства, суть не что иное, как ценности, превращенные в цены производства. Для простого товарного производства ценности были центром тяжести, около которого колебались цены, однако «при капиталистическом производстве дело идет не столько о том, чтобы на место данной массы ценности, брошенной в товарной форме в процесс обращения, извлечь равную массу ценности в другой форме—денежной или товарной,— дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь ту же самую прибавочную ценность или прибыль, какая приходится на всякий другой капитал такой же величины, или *pro rata* его величины, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется, следовательно, дело идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т.-е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя, как о б щ е с т в е н н у ю с и л у, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале». «Но если товары продаются по их ценностям, то в различных сферах производства возникают очень различные нормы прибыли... Но капитал

¹ Ср. „Капитал“ III₁, стр. 135—136 и сл. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль и, благодаря этому, ценности превращаются в цены производства»¹).

В каком же отношении находится это учение третьего тома к знаменитому закону ценности первого тома?

По мнению Бем-Баверка, третий том «Капитала» с очевидностью констатирует действительное непримиримое противоречие и содержит в себе доказательство, что равная средняя норма прибыли может образоваться только в том случае, если так называемый закон ценности не имеет силы. В первом томе, — так заявляет Бем²), — было сказано, что ценность основывается только на труде, ценность была объявлена тем общим свойством товаров, которое проявляется в меновой пропорции; нам было сказано, в форме вывода, не допускающего исключений и обладающего безусловной принудительностью, что приравнивание двух товаров в обмене означает, что в них имеется нечто общее, одинаковое по величине, и что каждый из обоих товаров должен быть сведен к этому общему, что при этом надлежит отвлечься от временных и случайных отклонений., которые являются нарушением закона товарного обмена, что в принципе и как постоянное правило обмениваются друг на друга товары, воплощающие одинаковое, количество труда. И теперь, в третьем томе нам заявляют, что того, что должно быть, согласно учению первого тома, нет и быть не может; что отдельные товары постоянно и необходимо обмениваются и должны обмениваться в ином отношении, чем то, которое выражается воплощенным в них трудом.

Но здесь, по мнению Бема, нет ни объяснения, ни попытки примирить противоположные точки зрения; здесь само голое

¹ Ср. „Капитал“ III₁, 175. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

² Срав. „Zum Abschluss“ etc. 110.

противоречие. Теория средней нормы прибыли и цен производства несовместима с теорией ценности. Но Маркс, рассуждает Бем, должен был предвидеть этот упрек. И благодаря этому, мы, якобы, находим у него, если не по форме, то по существу, самозащиту, предвосхищающую будущие возражения. Путем различных замечаний он, по мнению Бема, пытается сделать приемлемым тот взгляд, что, вопреки непосредственному господству, которое в меновых отношениях принадлежит ценам производства, отклоняющимся от ценности, все, тем не менее, совершается в рамках закона ценности, и последнему в конечной инстанции принадлежит господствующее влияние на цены. Но Маркс, вопреки своему обыкновению, по мнению Бема, не дает здесь законченной и оформленной цепи доказательств, но лишь несколько разбросанных и сделанных мимоходом замечаний, заключающих в себе доводы самого различного свойства; эти замечания Бем соединяет в четыре аргумента.

Но прежде чем обратиться к рассмотрению этих «аргументов» и тех, которые в противовес им поставляет Бем, необходимо сказать пару слов относительно «противоречия» или «отступления», которыми, якобы, провинился Маркс в третьем томе. Что касается отступления, то, те, которые говорят об этом, забывают, что первый том был опубликован не ранее, чем была закопчена глава третьего тома, трактующая спорный пункт. Ибо окончательный набросок двух последних книг «Капитала» надает на промежуток времени от 1863 до 1867 года, в то время как глава X третьего тома, содержащая в себе решение загадки, согласно примечанию Энгельса (III₁, стр. 152,27), была написана в 1865 году. Говорить в данном случае об отступлении, значит подозревать, что Маркс для того, чтобы достичь определенной точки, проделал сначала милю вперед и затем милю назад. Таково, впрочем, понимание вульгарной политической экономии, рассматриваемое ею, как сущность диалектического метода, ибо для нее, видящей всегда лишь готовый результат, а не процесс, этот метод остается мистическим «фокус-покусом». И не лучше, чем с упреком Маркса в отступлении от его взглядов, обстоит дело с противоречием, в которое он, якобы, впадает.

Бем видит это противоречие в том, что, согласно первому тому, обмениваются друг на друга лишь товары, воплощающие в себе одинаковые количества труда, тогда как по третьему тому выходит, что одни товары обмениваются на другие в ином отношении, чем то, которое выражается воплощенным в них трудом. Совершенно верно! Если бы Маркс на самом деле утверждал, что товары, если отвлечься от случайных колебаний, могут обмениваться только потому, что в них воплощен труд, и только в том отношении, в каком они воплощают равные количества труда, то Бем был бы прав. Однако Маркс в первом томе исследует те меновые отношения, которые складываются, если товары обмениваются по их ценностям, и только при этом предположении товары содержат в себе равные количества труда. Однако, обмен по ценностям не есть условие обмена вообще, хотя он и является необходимым для обмена при определенных исторических условиях, если только эти исторические условия должны постоянно воспроизводиться самим механизмом общественной жизни. При изменившихся исторических условиях выступают модификации обмена; вопрос состоит лишь в том, можно ли признать эти модификации закономерными и представить их как модификации закона ценности. Если да, то закон ценности, хотя и в измененной форме, продолжает управлять обменом и движением цен. Последнее при этом следует рассматривать как модификацию первоначального, непосредственно зависевшего от закона ценности, движения цен.

Ошибка Бема заключается в том, что он смешивает ценность и цену, чему виной его собственная теория. Только в том случае, если ценность,— мы оставляем в стороне случайные, взаимно компенсирующиеся и потому лишенные значения отклонения,— была бы идентична с ценой, продолжительное отклонение цен отдельных товаров от ценностей противоречило бы закону ценности. Но Маркс еще в первом томе указывал на расхождение ценностей и цен. Так, он ставит вопрос: «Как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т.-е. в последнем счете ценностью товара?» и прибавляет к этому: «Я говорю в последнем счете, потому что средние цены не совпадают прямо с величинами ценности то-

варов, как думали А. Смит, Рикардо и др.»¹). И в другом месте: «Мы исходим, между прочим, из предположения, что цены = ценностям. В книге III мы увидим, что это равенство не так-то просто устанавливается даже для средних цен»²).

Таким образом, закон ценности Маркса не уничтожается выводами третьего тома, но лишь определенным образом модифицируется. Мы познакомимся ближе с этими модификациями и с их значением, когда мы займемся детальнее дальнейшими рассуждениями Бема.

Первый «аргумент», который Маркс, по Бему, приводит в защиту своего взгляда, гласит следующее³): если отдельные товары и продаются ниже или выше их ценности, то противоположные отклонения взаимно уничтожаются, и для общества, — если взять совокупность всех отраслей производства, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их ценностей.

Здесь прежде всего бросается в глаза,— и это замечание относится также к дальнейшему,— что Бем называет «аргументом» то, что у Маркса является лишь констатированием факта, логическим выводом из его посылок. В таком случае, конечно, легко доказать, что в этих замечаниях не заключается никакого аргумента.

Бем рассуждает: Маркс соглашается, что отдельные товары обмениваются не по их ценностям. Он, однако, напирает на то, что отклонения взаимно уравниваются. Но что же, спрашивает Бем, остается в таком случае от закона ценности? Ведь задача этого закона объяснить действительные меновые отношения благ. Мы хотим знать, почему один сюртук стоит как раз столько же, сколько 20 аршин полотна. Ясно, что можно говорить только о меновом отношении между двумя различными отдельными товарами. Но, поскольку мы принимаем во внимание все товары, вместе взятые, и суммируем их цены, поскольку мы необходимо и преднамеренно отвлекаемся от отношений, существующих внутри этой

¹ Срав. „Капитал“ I стр. 141 пр. 38. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

² Ibid, стр. 198 пр. 38.

³ "Zum Abschluss" etc, ст. 113 и сл.

совокупности. Относительные различия цен компенсируются в сумме. Но это вовсе не ответ на вопрос о меновом отношении благ, если нам указывают на общую сумму цен. Итак, дело обстоит следующим образом. На вопрос о проблеме ценности марксисты отвечают сначала своим законом ценности, согласно которому товары обмениваются в отношении воплощенного в них рабочего времени. Затем они отказываются от этого ответа, поскольку он касается обмена отдельных товаров, т.-е. как раз той области, где поставленный вопрос вообще имеет какой-нибудь смысл,— и сохраняют его в чистом виде для национального продукта в целом, т.-е. в той области, где данная проблема не может быть поставлена, как совершенно беспредметная. Таким образом, закон ценности в качестве ответа на проблему ценности в собственном смысле слова, как признают его сторонники, не согласуется с фактами; а в том единственном применении, в котором он не противоречит фактам, этот закон вовсе не является ответом на вопрос, собственно требующий решения. Это вообще не ответ, а тавтология. Если отвлечься от денежной формы, то товары в конечном счете обмениваются на товары. Сумма товаров тем самым идентична сумме выплаченных цен. Или цена, уплаченная за совокупный национальный продукт, есть не что иное, как сам этот национальный продукт. При таком условии, конечно, совершенно правильно, что сумма цен, уплаченных за, совокупный национальный продукт, совпадает с суммой ценности или труда, кристаллизованной в последнем. Однако, это тавтологическое утверждение не увеличивает наших знаний и не доказывает правильности закона, согласно которому блага обмениваются в отношении, отвечающем воплощенному в них труду. Таковы взгляды Бема.

Все эти рассуждения полностью бьют мимо цели. Маркс задает вопрос о совокупной ценности, а Бем жалуется, что он не спрашивает о ценности отдельных товаров. Он не видит, что является для Маркса наиболее существенным в данном случае. Констатирование того обстоятельства, что сумма цен производства идентична с суммой ценностей, важно, во-первых, потому, что этим устанавливается, что совокупная цена производства не может быть выше совокупной, ценности; это

означает (принимая во внимание, что процесс образования ценности протекает исключительно в сфере производства), что вся прибыль проистекает из производства, а не из обращения, т.-е. не из какой-нибудь надбавки, которую делает капиталист на готовый продукт. И, во-вторых: так как совокупная цена равна совокупной ценности, то и прибыль в целом не может представлять из себя чего-либо иного, кроме совокупной прибавочной ценности. Этим прибыль в целом определяется с количественной стороны; только на основании этого определения является возможность вычислить высоту нормы прибыли.

Но можно ли вообще, не впадая в абсурд, говорить о совокупной ценности? Бем смешивает меновую ценность с ценностью. Ценность проявляется, как меновая ценность, как количественно определенное отношение, в котором один товар может быть обменен на другой. Однако, если сюртук, например, обменивается на 20 или 40 аршин полотна, то это зависит не от случайных причин, а от объективных условий,— от того, сколько общественно необходимого рабочего времени содержится в сюртуке или в холсте. Эти условия должны сказаться в обмене, должны им и в целом управлять и, наконец, должны существовать самостоятельно и независимо от обмена; и ввиду этого можно говорить о совокупной ценности товаров ¹).

Бем упускает из виду, что ценность, в том смысле, какой придает ей Маркс, есть объективная, количественно определенная величина. Он не замечает этого, потому что понятие ценности у теоретиков предельной полезности в действительности лишено количественной определенности. Если я даже знаю ценность, равную предельной полезности единицы некоторой суммы благ, то есть, той пользе, которую мне приносит последняя единица данного запаса благ, то я никоим образом не могу на этом основании вычислить величину ценности всего запаса. Если же мне дана ценность единицы в Марксовом смысле, то мне известна также ценность суммы этих единиц.

Что изменяется при переходе от простого к капиталистическому товарному производству, так это распределение обще-

¹ Cp. F. Engels: Ergänzung und Nachtrag zum dritten Buch des "Kapital". „Neue Zeit", XIV., I., S. 7.

ственного продукта. Распределение прибавочной ценности происходит уже не пропорционально труду, затраченному каждым отдельным производителем в его сфере на создание прибавочной ценности, а сообразуется с величиной авансированного капитала, необходимого для того, чтобы привести в движение труд, порождающий прибавочную ценность. Ясно, что измененное распределение ничего не меняет в размерах той суммы прибавочной ценности, которая подлежит распределению: общественное отношение остается неизменным, и путем модификации цен отдельных товаров осуществляется лишь это измененное распределение. Далее ясно, что для определения этого отклонения должны быть известны не только величина прибавочной ценности, но и величина авансированного капитала, притом величина его ценности. Определение этих величин дает закон ценности. Я могу, следовательно, легко вычислить отклонения, коль скоро мне даны величины ценностей. Ценность, следовательно, есть необходимый теоретический исходный пункт для объяснения своеобразного феномена в области цен, порожденного капиталистической конкуренцией.

Вся полемика Бема является поэтому тем более неудачной, что Маркс, ставя вопрос о совокупной ценности, делает это лишь для того, чтобы выделить из этой совокупной ценности отдельные, важные для капиталистического процесса распределения, части. У Маркса идет речь о вновь создаваемой в течение данного производственного периода ценности и об отношении, в котором эта вновь созданная ценность распределяется между классом рабочих и классом капиталистов, образуя таким, путем доход трех главных классов. Таким образом заявление Бема, будто Маркс отказывается от закона ценности в применении к отдельным товарам и утверждает его лишь по отношению к сумме последних, совершенно неверно. К этому утверждению Бем приходит только потому, что не различает ценности от цены. Более того: закон ценности, будучи непосредственно действителен для общественного продукта и его частей, осуществляется только путем определенных, закономерных модификаций в ценах отдельных, производимых капиталистически товаров,— путем модификаций, которые могут быть поняты только при условии, если мы вскроем стоящие за ними

общественные связи; эту именно услугу и оказывает нам закон ценности. Наконец, это уже чистейшая галиматья, когда Бем утверждает, что сумма товаров идентична с суммой уплаченных за них цен. Ибо сумма товаров и сумма цен суть прежде всего несоизмеримые величины. Маркс говорит, что сумма ценностей — а не товаров — равна сумме цен производства. Здесь соизмеримость восстановлена, благодаря тому, что как цены, так и ценности, суть выражения для различных количеств труда. Ибо только в том случае, если цена производства качественно однородна с ценностью, — а это действительно так, ибо обе являются выражением овеществленного труда, — можно сравнивать между собой их суммы, несмотря на количественное различие.

Конечно, рассуждает Бем, в последнем счете товары обмениваются на товары; поэтому, сумма цен идентична с суммой товаров. Здесь Бем, однако, абстрагируется не только от цены, но и от ценности товаров. Вопрос заключается в следующем: если мне дана сумма товаров в штуках, весовых единицах и т. д., то как велика их ценность или цена, ибо последние для общественного продукта совпадают. Эта ценность или цена является величиной совсем иного порядка, чем сумма товаров, и выражается в известном количестве денег. Маркс ставит вопрос как раз относительно этой величины, которая по его теории должна содержать столько же трудовых затрат, как и общая сумма товаров.

Первый, так же как и следующие «аргументы», показывают всего лишь, в каких пределах закон ценности непосредственно имеет силу как таковой, без всяких модификаций. Понятно, что Бему легко удастся доказать, что та модификация закона ценности, которую Маркс еще раньше установил, как неизбежное следствие самой природы капиталистической конкуренции, и которую он, в данном случае, всюду уже предполагает, не обоснована им.

Точно так же строит Бем свою критику второго аргумента Маркса. Маркс говорит: закон ценности управляет движением цен, ибо уменьшение или увеличение необходимого для произ-

водства рабочего времени вызывает понижение или повышение цены производства (III_1 , с. 152 и 154 рус. перев.). Но Бем опускает условие, при котором Маркс выставляет это положение. А именно, Маркс говорит: «Каким бы образом первоначально ни устанавливались и ни определялись цены различных товаров в их взаимных отношениях, их движением управляет закон ценности». Бем не замечает этого и упрекает Маркса, будто бы он не принял во внимание, что труд является о д н и м из оснований, определяющих цены, но не единственным, как того требует его теория. Это-де такая бросающаяся в глаза погрешность мысли, что странно, как она ускользнула от самого Маркса. Но Маркс, между прочим, в цитированном месте не хочет сказать ничего другого, кроме того, что изменения в затратах труда влекут за собой изменения цен и что, следовательно, раз даны цены, то они движутся сообразно с изменениями производительной силы труда. Недосмотр здесь всецело на стороне Бема; ему достаточно было бы привести цитату полностью, чтобы избавить себя от труда возражать Марксу.

Более существенное значение имеют, однако, те возражения, которые Бем выдвигает против выводов Маркса в дальнейшем. Маркс рассматривает превращение ценности в цену производства, как исторический процесс; Бем делает из этого «третий аргумент», который он формулирует следующим образом: по Марксу закон ценности господствует всецело и безраздельно над товарообменом на известных первоначальных стадиях, на которых еще не произошло превращения ценностей в цены производства. Однако, эта мысль у Маркса якобы не развита вполне отчетливо, а переплетена с прочим изложением. Условия, необходимые для того, чтобы товары обменивались по их ценностям, изложены у Маркса так. Он предполагает, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обмениваются друг с другом своими товарами. В таком случае, двое рабочих в течение одного дня своим трудом придали бы своему продукту одинаковое количество новой ценности, но продукты каждого имели бы различную ценность, смотря по количеству труда, уже овеществленного в орудиях производства. Эта последняя часть ценности представляла бы

постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь созданной ценности, затраченная на средства существования рабочего, — переменный капитал; остальная часть вновь созданной ценности — прибавочную ценность, которая, в данном случае, принадлежала бы рабочему. Оба рабочих получили бы, таким образом, — за вычетом возмещенной им части постоянного капитала, который они авансировали, — равные ценности; отношение части, представляющей прибавочную ценность, к ценности средств производства, — что соответствует капиталистической норме прибыли, — было бы у обоих различно.

Но так как каждому из них в обмене возмещается ценность средств производства, то это обстоятельство для них совершенно безразлично. «Итак, обмен товаров по их ценностям или приблизительно по их ценностям соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития... Таким образом, независимо от господства закона ценности над ценами и движением цен, безусловно правильно рассматривать ценности товаров, не только как теоретическое, но и как историческое *prius* по отношению к ценам производства. Это относится к таким экономическим отношениям, когда средства производства принадлежат самому рабочему, а такое положение свойственно и в древние и в новейшие (*modern*) времена хозяйству крестьянина, обрабатывающего собственным трудом принадлежащую ему землю, и ремеслу. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом, что развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Это справедливо не только для такого первобытного состояния, — это остается справедливым и для позднейших отношений, основанных на рабстве и крепостничестве, для цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому различные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины»¹).

¹ Ср. „Капитал“ III₁, 155—156. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

Против этих соображений Бем выдвигает серьезнейшие «сомнения внутреннего и внешнего свойства». Он полагает, что они логически неправильны и противоречат опыту. Чтобы показать это, Бем подставляет цифры в приведенный Марксом пример. Он это проделывает следующим образом. Рабочий I представляет отрасль производства, которая требует технически относительно более ценных средств производства; для их изготовления, положим, требуется пять лет; следующий год уходит на изготовление продукта. Положим, что рабочий сам изготавливает средства производства; в таком случае он только спустя шесть лет получит возмещение за свой труд. Рабочий II, напротив, того, в течение месяца справляется с изготовлением конечного продукта и необходимых для этого средств, производства и поэтому уже через месяц получает выручку за свой продукт. Это различие во времени получения платы за труд совсем не принято в расчет в гипотезе Маркса, тогда как отсрочка на долгие годы понесенных трудовых затрат также является обстоятельством, требующим компенсации. Различные отрасли производства, полагает Бем, не всем производителям одинаково доступны; области, требующие более значительного капитала, открыты для все убывающего меньшинств. В виду этого, предложение в последних отраслях испытывает известное ограничение, благодаря которому цены продуктов, в конце концов, поднимаются выше относительного уровня тех отраслей, где не существует этого одиозного побочного условия — ожидания. Маркс сам, якобы, чувствовал, что здесь обмен по ценностям приведет к несообразностям. Он отметил это в той форме, что равная прибавочная ценность выражается в неравных нормах прибыли. Теперь возникает вопрос, почему это неравенство не сглаживается так же, как и в капиталистическом обществе, путем конкуренции. На это Маркс отвечает, что для двух рабочих имеет существенное значение лишь то, что они, за вычетом ценности авансированных постоянных элементов, получают за равное рабочее время равные ценности, тогда как различие норм прибыли для них не играет роли, так же, как для современного наемного рабочего не играет роли, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной ценности.

Однако, по мнению Бема, это сравнение ошибочно. Ибо современный рабочий не получает прибавочной ценности, те же два рабочих ее получают. Поэтому, им не безразлично, какой мерой она им отмеривается: по масштабу ли понесенного труда, или по масштабу авансированных средств производства. Неравенство норм прибыли нельзя, следовательно, объяснить тем, что высота прибыли является для участников чем-то совершенно безразличным.

Последние фразы могут служить классическим образцом Бемовской полемики. Он совершенно оставляет без внимания действительную аргументацию противника, а в качестве последи ей приводит пример, взятый для иллюстрации, который он к тому же ложно интерпретирует, чтобы затем возвестить с триумфом, что пример не есть доказательство. Различие, о котором идет речь, это — различие докапиталистической и капиталистической конкуренции. Докапиталистическая конкуренция выравнивает на местном рынке, над которым она господствует, различные индивидуальные ценности в одну рыночную ценность; капиталистическая конкуренция содействует превращению ценности в цену производства. Но она достигает этого лишь потому, что она может свободно перебрасывать капитал и труд из одной сферы производства в другую; это, может, однако, иметь место лишь в том случае, если такому переходу не мешают никакие правовые и фактические преграды, следовательно, — оставляя в стороне побочные обстоятельства, — по установлении свободы передвижения для труда и капитала. Эта к о н к у р е н ц и я вокруг сфер п р и л о ж е н и я невозможна в докапиталистических условиях, поэтому невозможно и выравнивание различных норм прибыли. Так как этот случай и имеется в виду, ибо самостоятельно производящий рабочий не может по своему желанию менять сферу производства, то различие норм прибыли при одинаковой массе прибыли (= прибавочной ценности) для него не играет роли, так же, как для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатая из него прибавочная ценность. *Tertium comparationis* в обоих случаях, это — то обстоятельство, что для рабочих и тут и там имеет значение масса прибавочной ценности. Ибо получают они ее или нет, но в обоих

случаях они должны ее выработать. А продолжительность их труда и является решающей. Или, выражая это в цифрах, из двух, самостоятельно работающих производителей, из которых один применяет средства производства на 20 марок, а другой — на 10 марок, пусть каждый ежедневно придает новую ценность, равную 20 маркам. Первый получает за свой продукт 40 марок, второй — 30, из которых в первом случае 20, во втором случае 10 марок возмещают средства производства. У каждого остается, таким образом, 20 марок. Так как они не могут по своему желанию менять сферы производства, то для них неравенство норм прибыли имеет лишь второстепенное значение. Из 20 марок, которые у них, остаются, 10 представляют ту часть, которую они расходуют на средства существования, или, — говоря капиталистически, — их переменный капитал, в то время, как остаток образует прибавочную ценность. Для современного капиталиста дело представлялось бы в ином виде; в первой отрасли производства он должен свой капитал в 30 марок вложить в $20c + 10v$, чтобы получить $10m$; во второй отрасли он должен был бы затратить такой же капитал на $15c + 15v$, чтобы получить $15m$. Так как капитал можно беспрепятственно переносить из одной сферы в другую, то в результате конкуренции из-за сфер приложения уравнение норм прибыли произошло бы тогда, когда цены установились бы не на уровне 40 и 30, а 35 для обеих отраслей.

Однако свой триумф Бемовская полемика торжествует, подставляя цифры в приведенный Марксом пример. При этом простое товарное производство, которое предполагает Маркс, одним мановением руки прекращается в капиталистическое.

Ибо, что же иное означает это наделение у Бема одного рабочего средствами производства, для изготовления которых необходимо пять лет, в то время, как средства производства другого изготавливаются в несколько дней? Разве это не предполагает такую степень различия в органическом составе капиталов, которая является уже продуктом капиталистического развития? У самостоятельного ремесленника, которого имел в виду Маркс, средства производства, это — сравнительно простые орудия, не различающиеся особенно значительно по своей ценности в разных сферах производства. Средства производства

более значительные (например, сукновалки) обыкновенно составляли собственность цеха или города, и доля участия каждого ремесленника не была велика. В докапиталистических условиях мертвый труд вообще играл ничтожную роль по сравнению с живым. Но как бы незначительны ни были различия, они все же обуславливали известное неравенство норм прибыли; выравниванию их препятствовали искусственные ограничения, которыми была обставлена каждая отрасль производства. Там же, где сродства производства значительно преобладали над живым трудом, рано развивается товарищеская форма предприятий, быстро принимающая капиталистический характер и по большей части завоевывающая юридически или фактически монопольное положение (горное дело!).

Маркс предполагает, далее, рабочих, которые обмениваются друг с другом продуктами. И вот Бем скорбит о несправедливости, которая заключается в том, что один, проработав шесть лет, получает лишь эквивалент за свое рабочее время, но не получает сверх того никакого возмещения за время ожидания. Однако если один должен шесть лет ждать выручки, то другой должен шесть лет ждать продукта; в течение шести лет он должен накапливать продукты собственного производства, чтобы обменять их, в конце концов, на готовое изделие. Для какой-либо компенсации нет ни малейшего повода. В действительности, предположение такой большой разницы во времени обращения так же мало исторично, как и предположение крупных различий в органическом составе этих «капиталов». Однако Бем не довольствуется средневековьем. Он и в «современном мире» находит отношения, которые соответствуют гипотезе Маркса. Они имеют место, как подчеркивает, якобы, сам Маркс, в случае владеющего землей крестьянина и в случае ремесленника. Последние должны были бы получать одинаковый доход, независимо от того, составляет ли их капитал, вложенный в средства производства, 10 или 10.000 флоринов, что, очевидно, не соответствует действительности. Разумеется, не соответствует! Только Маркс никогда не утверждал, что в «современном» мире существует два порядка образования цен, смотря по тому — произведен продукт капиталистом или ремесленником. Под «современным» (modern) миром Маркс под-

разумеает здесь не капиталистический, как это думает впавший в совершенно невероятное заблуждение Бем, а средневековый мир в противоположность к античному, как это ясно из всего контекста.

Однако взгляд Маркса на образование равной нормы прибыли, по мнению Бема, также исторически несостоятелен; здесь Бем подхватывает возражение, которое сделал Зомбарт в своей известной критике III тома. Зомбарт совершенно не касается вопроса о значении закона ценности для докапиталистических отношений; он возражает лишь против того утверждения, что равенство норм прибыли установилось путем нивелировки первоначально неравных норм прибавочной ценности при переходе от средневекового хозяйства к капиталистическому. Наоборот, имевшаяся уже коммерческая норма прибыли с самого начала образовала исходный пункт для капиталистической конкуренции. Если бы исходным пунктом была прибавочная ценность, то капитализм должен был бы, прежде всего, овладеть отраслями производства с преобладанием живого труда и постепенно захватывать другие области лишь после того и по мере того, как развитие производства в первых отраслях вызвало бы понижение цен. Однако производство развивается как раз в отраслях с большим постоянным капиталом, например, в горном деле. Для капитала не представлялось бы ни малейшего повода переходить в ту или иную сферу производства, если бы он не имел в виду обычную для данной страны прибыль, которая существовала в виде коммерческой прибыли. Можно и другим путем доказать ошибку. Если бы при зарождении капиталистического производства необычайно высокая прибыль получалась в отраслях, работающих преимущественно с переменным капиталом, то это предполагало бы, что капитал одним ударом должен был бы превратить доселе самостоятельных производителей в наемных рабочих и заставить их работать за вознаграждение, например, вдвое меньшее, чем то, которое они получали прежде, присваивая себе целиком всю разницу, которая получалась бы при ценах, соответствующих ценности товаров. Однако, капиталистическое производство пользуется на первых порах рабочими, представляющими собой деклассированные элементы общества, и отчасти

развивается в совершенно новых, им самим созданных отраслях производства; можно быть уверенным, что при установлении цен исходным пунктом сразу же явился затраченный капитал ¹).

В противоположность взглядам Зомбарта, мы придерживаемся того мнения, что выравнивание различных норм прибавочной ценности в одну норму прибыли есть результат продолжительного процесса. Зомбарт думает, что невозможно объяснить, какие причины могли бы побудить капиталиста стремиться овладеть производством, если бы он, как промышленный капиталист, не мог бы рассчитывать на ту же прибыль, которую он привык получать, как купец. Однако,— и это, как нам кажется, упускает из виду Зомбарт,— купец, став промышленником, не перестает в то же время быть купцом. Его капитал, вложенный в экспорт, представлял для него главный интерес; затрачивая добавочный капитал (который не был слишком велик при сравнительно небольшом постоянном капитале), чтобы производить товары за собственный счет, он приобретал, во-первых, возможность доставлять регулярно и в большем количестве, чем прежде, нужные товары, что было важно при быстро растущем рынке, и, во-вторых, присваивая часть прибавочного труда ремесленников, которых он ссужал, он реализовывал добавочную прибыль. Если норма прибыли капитала, вложенного им в промышленное предприятие, и была ниже той, которую приносил его коммерческий капитал, то общая норма прибыли теперь увеличилась. Однако норма прибыли его промышленного капитала стала быстро возрастать, как только он, благодаря применению новой техники (кооперация, мануфактура), стал производить продукты дешевле, чем его конкуренты, которые все еще покрывали свой спрос продуктами ремесленного производства. Конкуренция принудила затем других купцов также перейти к этой новой системе и отказаться от ремесленных продуктов. Когда с прогрессом капитализма производство перестало иметь в виду, главным образом, спрос купца-экспортера, и капиталист начал завоевывать

¹ Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx" Brauns „Archiv" VII. S. 585.

внутренний рынок, его прибыль определялась, главным образом, следующими моментами. Он производил более совершенными техническими средствами и, следовательно, дешевле, чем ремесленник. Рыночная ценность продукта последнего определяла первоначально цену, поэтому капиталист реализовывал сверхприбавочную ценность и соответственно сверхприбыль, которая была тем выше, чем больше было его техническое превосходство. К тому же и правовые привилегии превращали использование этой лучшей техники по большей части в монополию отдельных капиталистов. Только с уничтожением монополий, с устранением препятствий, мешающих перенесению капитала и связывающих рабочего, стало возможным выравнивание первоначально различных норм прибыли.

Прежде всего, благодаря вытеснению ремесла и увеличению капиталистической конкуренции, внутри одной и той же отрасли производства была уменьшена сверхприбыль; затем свобода передвижения капиталов между различными отраслями производства вызвала уравнение прибыли до одной средней нормы.

Причиной, побуждающей коммерческий капитал овладевать производством, была потребность в увеличенном и регулярном снабжении, созданная расширением рынков. Прибыль, которую он при этом реализовал, могла быть меньше, чем коммерческая. Ибо она представляется ему сверхприбылью, которая получается потому, что товары собственного производства обходятся ему дешевле, чем те, которые приобретались у независимых ремесленников. В дальнейшем эта сверхприбыль, которую благодаря техническому превосходству получает капиталист, борющийся с ремесленником за внутренний рынок, и является побудительной причиной для капитала к захвату данной отрасли производства. Его органический состав, различию которого в докапиталистическую эпоху Бем и Зомбарт, несомненно, придают преувеличенное значение, играет при этом очень небольшую роль.

Только там, где средства производства фактически имеют большое значение, как, например, в горном деле, сильный перевес постоянного капитала был причиной капитализации, для которой форма товарищества представляла подготовительную

ступень. Такие предприятия по большей части являются одновременно предприятиями монопольными, доходность которых определяется по особым законам.

Но раз капиталистическая конкуренция установила одинаковую норму прибыли, последняя является исходным пунктом для капиталистических расчетов при помещении капитала во вновь создаваемые отрасли производства. Здесь цены с самого начала колеблются около цены производства, получение которой обуславливает доходность данной отрасли производства. Капиталист сам идет навстречу конкуренции, кладя в основу расчетов, как регулятив, среднюю норму прибыли, и конкуренции остается лишь следить за тем, чтобы не было уклонений, и чтобы прибыль на долгое время не превышала средней нормы.

Впрочем, ясно, что образование цен в капиталистическом обществе должно быть иным, чем в общественных формациях, покоящихся на простом товарном производстве. Обращаясь к рассмотрению «четвертого аргумента», мы проследим эти изменения в характере образования цен. По Марксу, — так утверждает Бем, — закон ценности в усложнившемся народном хозяйстве регулирует, хотя бы косвенно и в последней инстанции, цены производства, поскольку определяемая законом ценности совокупная ценность товаров регулирует совокупную прибавочную ценность, последняя же, в свою очередь — среднюю прибыль, а тем самым общую норму прибыли (III₁, стр. 155 русск. перев.). Средняя прибыль определяет цену производства. Это, по мнению Бема, с точки зрения учения Маркса, правильно, но не совсем. Бем «восполняет недостаток» следующим образом. Цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль. Издержки производства средств производства слагаются тоже из двух частей: во-первых, из расходов на заработную плату и, во-вторых, из расходов на средства производства, ценность которых уже превращена в цены производства. Если мы продолжим этот анализ, то мы, в конце концов, придем, так же, как и Смит со своей *natural price*, которую Маркс отождествляет с ценою производ-

ства к разложению цены производства на два слагаемых или на два определителя (!): на сумму всех заработных плат, уплаченных в продолжение различных стадий производства, которые вместе собственно представляют издержки производства товара, и на сумму всех прибылей, вычисленных по этим расходам на заработную плату. Таким образом, средний процент, начисляемый при производстве товара, есть одно из оснований, определяющих цену производства. Что касается другого основания — заработной платы, то Маркс, по словам Бема, об этом ничего больше не говорит. Между тем, очевидно, что сумма выплаченных заработных плат есть произведение количества выполненного труда на высоту заработной платы. Так как по закону ценности меновые отношения определяются исключительно количеством затраченного труда, и так как Маркс отвергает какое бы то ни было влияние данного уровня заработной платы на ценность товара, то точно также очевидно, что из двух слагаемых этого фактора, т.е. расходов на заработную плату, с законом ценности гармонирует только один — количество затраченного труда, тогда как другой фактор — высота заработной платы вводит в число причин, определяющих цену производства, основание, совершенно чуждое закону ценности.

Прямо невероятно, как Бем ухитряется сделать из мыслей Маркса выводы, которые этот последний *expressis verbis* отметил, как грубейшую ошибку. Предоставим слово самому Марксу: «Итак, ценность годового товарного продукта, равно как и ценность товарного продукта отдельной затраты капитала, и ценность единичного товара распадается на, две составные части: на одну А, возмещающую ценность авансированного постоянного капитала, и другую — В, выступающую в форме дохода, заработной платы, прибыли и ренты. Последняя составная часть ценности — В в том отношении представляет противоположность первой, А, что эта последняя при прочих равных условиях: 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно возвращается в форме капитала, и притом постоянного капитала. Однако, другая составная часть В в свою очередь в себе самой содержит противоположные друг другу части. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все

они образуют три формы дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются одна от другой тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная ценность, т.-е. неоплаченный труд, в заработной плате — оплаченный труд» ¹).

Воспроизводя, как мнение Маркса, ту «невероятную погрешность в анализе, которая проходила через всю политическую экономию, начиная с Адама Смита», Бем совершает двойную ошибку. Он абстрагирует прежде всего от постоянного капитала. Помимо всего прочего, это менее всего допустимо там, где дело идет о превращении ценности в цену производства. Ибо для этого превращения решающее значение имеет органический состав капитала, следовательно, отношение постоянной части капитала к переменной. Абстрагировать здесь от постоянного капитала, значит отвлекаться от самой сути дела, значит сделать невозможным понимание процесса образования цены производства. Однако, вторая ошибка, пожалуй, еще более грубая. Делая вместе со Смитом переменный капитал и прибавочную ценность "components parts" (слагаемыми), или, как он выражается более резко, «детерминантами» (определителями) ценности, Бем превращает учение Маркса в его прямую противоположность. У Маркса ценность есть *prius*, данное, *v* и *m* — только части, величина которых ограничена новой ценностью, присоединенной к уже овеществленному мертвому труду (*c*) и определяемой количеством затраченного живого труда. Сколько из этой новой ценности, разлагаемой на *v* + *m*, но не возникающей из них, придется на долю *v*, и сколько на долю *m*, это зависит от ценности рабочей силы = ценности необходимых для ее поддержания средств существования, тогда как остаток приходится на долю *m*. Бем остается во власти капиталистической иллюзии, по которой издержки производства являются конституирующим фактором ценности или цены. Абстрагируя при этом от *c*, он закрывает себе совершенно доступ к пониманию процесса образования ценности. Он не видит того, что в продукте та часть издержек производства, которая представляет собой постоянный капитал, воспроизво-

¹ Ср. „Капитал“, III2, стр. 376—377. Пер. под ред. Степанова и Базарова.

дится, не изменяясь по своей ценности. Иначе обстоит дело с той частью, которая представляет v . Ценность переменного капитала воплощена в тех средствах существования, которые потребляются рабочим. Их ценность этим уничтожается. Вновь же произведенная рабочими ценность принадлежит капиталисту. Часть этой новой ценности снова затрачивается им как переменный капитал, являясь как бы его возмещением, так же, как другая часть возвратившейся в его распоряжение ценности возмещает постоянный капитал, ценность которого фактически перенесена на продукт. Разница между s и m этим самым сглаживается, процесс образования ценности становится загадкой; источником ценности уже не является труд, а ценность представляется образующейся из издержек производства плюс некоторый, неведомо откуда происходящий излишек. «Цена труда» является, таким образом, причиной цены продукта, благодаря чему весь анализ, в конце концов, вращается в кругу, выводя объяснение цены из цены. Вместо того, чтобы рассматривать ценность, как величину, которая по определенным законам распадается на две части, из коих одна возмещает постоянный капитал, а другая становится доходом ($v + m$), самый доход делают элементом, конституирующим цену, причем вовсе забывают о постоянном капитале. Итак, Маркс настойчиво подчеркивает, что было бы ошибочно «утверждать, что ценность заработной платы, норма прибыли и норма ренты образуют самостоятельные конституирующие ценность элементы, из совокупности которых, если оставить в стороне постоянную часть, образуется ценность товара; иными словами, было бы ошибкой сказать, что они образуют составные части, из которых слагается ценность товара или цена производства»¹).

Если же заработная плата не является элементом, конституирующим ценность, то она, понятно, не имеет никакого влияния на величину последней. Но каким же образом Бем приписывает ей влияние на ценность товаров? Чтобы показать это влияние, Бем составляет две таблицы. Три товара А, В и С имеют вначале одинаковую цену производства = 100 при раз-

¹ Ср. „Капитал“, III₂, стр. 391. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

личном органическом составе капиталов. Дневная заработная плата=5; норма прибавочной ценности (m_1) = 100%; при совокупном капитале = 1500 средняя норма прибыли (p_1) равняется 10%.

ТОВАРЫ.	Рабочий день.	Заработная плата	Вложенный капитал.	Средняя прибыль.	Цена производства
A	10	50	500	50	100
B	6	30	700	70	100
C	14	70	300	30	100
Сумма	30	150	1500	150	300

Пусть заработная плата увеличится с 5 до 6; из 300 теперь 180 будет падать на заработную плату и 120 — на прибыль, p_1 равно теперь 8%; таблица изменится следующим образом:

ТОВАРЫ.	Рабочий день.	Заработная плата	Вложенный капитал.	Средняя прибыль.	Цена производства
A	10	60	500	40	100
B	6	36	700	56	92
C	14	84	300	24	108
Сумма	30	180	1500	120	300

Таблицы прежде всего отличаются некоторыми особенностями; а именно, мы не видим из них, как велик постоянный капитал, который применяется в отдельных отраслях, и какая часть его переносится на продукт. Только таким образом Бем

приходит к выводу, что, хотя и применяется значительный постоянный капитал, но что это не сказывается на продукте, и цены производства повсюду одинаковы. Еще менее понятно, каким образом происходит, что при одинаковом капитале уплачивается повышенная заработная плата. Эта ошибка, впрочем, мало что изменяет в конечном результате, так как Бем все же принимает во внимание органический состав, хотя и делает это в форме, лишенной логической определенности, вычисляя прибыль по отношению к затратам капитала различной величины; его вторая ошибка сказывается на абсолютных цифрах, как, впрочем, и на относительных, так как норма прибыли падает значительно, чем указывает Бем, ибо капитал в целом возрос. Однако, тем, что постоянный капитал не принят во внимание, мы лишены возможности проникнуть в сущность фактически совершающихся процессов. Если мы исправим Бемовские таблицы, то получим:

ТОВАРЫ.	Совокупный капитал $c+v$.	c	v	m	p	Ценность	Цена производства
А	500	450	50	50	50	550	550
В	700	670	30	30	70	730	770
С	300	230	70	70	30	370	330
Сумма	1500	1350	150	150	150	1650	$1650 = 1500 + 150$

Чтобы не усложнять излишне вычислений, мы предположили, что все c израсходовано целиком. Если заработная плата теперь поднимается с 5 до 6, то весь капитал увеличивается с 1500 до 1530, так как v возрастает с 150 до 180; прибавочная ценность уменьшается до 120, норма прибавочной ценности — до 66,6%, и норма прибыли составляет около 7,3%. Создаваемая рабочими новая ценность остается без изменений и равна 300. Но изменился органический состав капитала, а тем самым и фактор, имеющий решающее значение при превращении ценности в цену производства.

ТОВАРЫ.	Совокупный капитал $c+v$.	c	v	m	p	Ценность	Цена производства
А	510	450	60	40	40	550	550
В	706	670	36	24	55	730	761
С	314	230	84	50	25	370	339
Сумма	1530	1350	180	120	120	1650	1650

Таблица показывает «влияние общих колебаний заработной платы на цены производства» (III, 1; гл. XI). Мы получаем следующие законы ¹): 1) Для капитала среднего для данного общества органического состава, цена производства товаров осталась неизменной. 2) Для капитала низшего состава цена производства поднялась, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль. 3) Для капитала более высокого состава цена производства товаров упала, хотя и не в таком отношении, как прибыль. (Ср. III, 1; стр. 176 и 177 русск. пер.). Что из этого вытекает? Если верить Бему, то оказывается, что повышение заработной платы при том же самом количестве труда вызвало заметные изменения первоначально одинаковых цен производства. Эти изменения, по Бему, могут быть лишь отчасти сведены к изменениям нормы прибыли. Разумеется, не полностью, так как, например, цена производства, поднялась, несмотря на падение нормы прибыли. Это, якобы, делает несомненным тот факт, что в высоте заработной платы мы имеем дело с основанием, определяющим цены, действие которого отнюдь не исчерпывается влиянием на высоту прибыли, но которое проявляется совершенно самостоятельным и непосредственным образом. Бем думает поэтому, что он имел основание предпринять самостоятельное рассмотрение этого пропущенного Марксом момента, определяющего цены (у Маркса имеется об этом целая глава!).

¹ Мы имеем в виду только повышение заработной платы; ее понижение, понятно, вызовет прямо противоположный результат.

как далеко простирается самостоятельность Бема по отношению к законам логики. Одно и то же изменение заработной платы не оказывает в первом случае никакого влияния на цену, вызывает во втором случае повышение и в третьем — понижение цены. И это Бем называет «самостоятельно и непосредственно» определять цены. Наоборот, таблицы совершенно ясно показывают, что заработная плата никоим образом не может представлять собой им слагаемого, ни определителя (детерминанта) цены, ибо иначе увеличение этого слагаемого должно было бы повышать цену, а уменьшение его — понижать ее; точно так же и средняя прибыль не является самостоятельной, образующей попу величиной, ибо иначе во всех случаях, когда падает прибыль, должна была бы падать и цена. Но Бем, абстрагируясь от постоянного капитала и оставляя без внимания органический состав капитала, делает для себя невозможным объяснение данного процесса.

И вообще, этот процесс не может быть понят с точки зрения индивидуального капитала. Но рассматривая заработную плату, как самостоятельное слагаемое цены, мы как раз остаёмся на этой точке зрения. И тогда непонятно, каким образом повышение заработной платы, эта увеличенная затрата капитала, не возмещается капиталисту в цене товара. Только общественные отношения, сущность которых вскрывает закон ценности, объясняют нам, почему одна и та же причина — повышение заработной платы — так различно влияет на отдельные капиталы, в зависимости от отношения, в котором каждый из них принимает участие в общественном процессе возрастания ценности? Но их участие в общественном процессе создания ценности характеризуется только их органическим составом.

Изменившееся отношение капиталов состоит в том, что изменились их доли в производстве совокупной ценности; прибавочная ценность уменьшилась; в этом уменьшении различные капиталы участвовали различным образом, смотря по количеству труда, которое ими приводилось в движение; но так как уменьшение прибавочной ценности должно быть разложе-

но на них равномерно, то изменение их долей в производстве прибавочной ценности должно найти себе выражение в изменении цен. Капиталы поэтому нельзя рассматривать индивидуально, как это делает Бем: к ним следует подходить с точки зрения общественного целого, т.е. рассматривать их, как части общественного капитала.

Но какую роль играют они в создании совокупной ценности общественного продукта, можно уяснить себе только из их органического состава, т.е. из того отношения, в котором мертвый труд, ценность которого лишь переносится на продукт, стоит к создающему новую ценность живому труду, показателем которого служит переменный капитал. Абстрагировать от этого органического состава, значит абстрагировать от той общественной связи, в которой находится каждый отдельный капитал; благодаря этому, становится невозможным понимание процесса превращения ценности в цену производства, так же, как и понимание законов, управляющих изменениями цен производства, законов, на первых порах отличающихся от тех, которым подчиняется изменение ценности, но в конечном счете, сводящейся к тем же изменениям ценностных отношений.

«Если цена, производства в примере втором повышается, а в примере третьем — падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной ценности или из общего повышении заработной платы, показывает, что дело здесь не может идти о возмещении в цене товара, потерн, вызываемой повышением заработной платы; в третьем случае цена производства, очевидно, отнюдь не вознаграждает капиталиста, да и во втором случае повышение цены не предотвращает падения прибыли. В обоих случаях — и там, где цена повышается, и там, где она падает, — прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной... Отсюда следует, что, если бы в случае втором цена не возрастала, а в третьем — не падала, товары продавались бы в случае втором с прибылью меньшей, а в третьем — большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собой понятно, что в зависимости от того 50, 25 или 10 процентов капитала затрачивается на труд, повышение заработной платы должно в различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную пла-

ту $1/10$ того, кто затратил на нее $1/4$ или $1/2$ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение — с другой, смотря по тому, выше, или ниже состав данного капитала, по сравнению с общественным средним составом, происходит лишь благодаря процессу уравнивания прибыли по мерке новой, понизившейся средней прибыли. Ясно, что если, вследствие установления общей нормы прибыли для капиталов низшего состава (где v выше среднего) ценности понижаются при превращении их в цены производства, то для капиталов высшего состава они повышаются»¹). Изменение цены производства, вследствие изменения высоты заработной платы выступает непосредственно, как действие новой средней нормы прибыли. Установление последней является, как мы видели выше, следствием капиталистической конкуренции. Poleмика Бема уже потому является неудачной, что она направлена не против решающего пункта, а против явления, которое вытекает как необходимое следствие, если только дана предпосылка — образование цен производства на основе равной нормы прибыли.

Господство закона ценности над ценами производства ничуть не подрывается тем обстоятельством, что в самой заработной плате, т.-е. в авансированной переменной части капитала, уже совершилось превращение ценности необходимых для рабочих средств существования в цену производства. Утверждение, будто цена производства товара не регулируется законом ценности, нельзя доказать, перенеся это же самое утверждение на другой товар — на рабочую силу. Ибо отклонение цены производства переменной части капитала от ценности происходит точь-в-точь по тем же законам, как и отклонение цены всякого другого товара; в этом отношении не существует никакого различия между переменной и постоянной частью капитала. Только, сделав «ценность рабочей силы» определителем ценности продукта, Бем мог впасть в ошибку, будто отклонение цены рабочей силы от ее ценности представляет собой нарушение закона ценности. Но и величина совокупной прибавочной цен-

¹ Ср. „Капитал“ III₁, стр. 181. Перев. под редакцией Базарова и Степанова. Во всех изданиях превосходного перевода Базарова и Степанова последнее предложение по какой-то случайности пропущено. - Прим. ред.

ности не изменяется, благодаря этому отклонению. Ибо совокупная прибавочная ценность, которая равна совокупной прибыли и определяет норму последней, вычисляется для общественного капитала в целом, для которого отклонения цен производства от ценности взаимно уничтожаются.

Нам остается еще рассмотреть, лишь одно возражение Бема. Если по Марксу совокупная прибавочная ценность определяет среднюю норму прибыли, то она все же образует лишь один из определяющих моментов, в то время как другой, по мнению Бема, совершенно независимый от закона ценности момент заключается в величине наличного общественного капитала. Помимо того, что Бем предполагает здесь заранее известную величину общественного капитала, — что в свою очередь, предполагает закон ценности, — так как дело идет об определении ценностной величины, — это возражение было достаточно определенно опровергнуто самим Марксом: «Изменяется отклонение суммы, присваиваемой прибавочной ценности ко всему капиталу, авансированному обществом. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной ценности, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается и уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной переменным капиталом, а ценность этой части растет и понижается вместе с ростом и уменьшением самой ее массы; следовательно, опять-таки пропорционально массе ценности переменного капитала. Если же то же самое количество труда приводит в движение больше постоянного капитала, то значит труд стал производительнее. При обратном предположении — обратный вывод. Следовательно, во всяком случае, совершилось изменение в производительности труда и должно произойти изменение ценности известных товаров». Таким образом, существует закон: «Если изменяется цена производства известного товара, вследствие изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная ценность этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение ценности других товаров»¹).

¹ Ср. «Капитал», III, стр. 184. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

III.

Субъективная точка зрения.

Феномен изменения цен производства доказал нам, что явления капиталистического общества не могут быть поняты, если мы станем рассматривать товар или капитал в их изолированности. Наоборот, только общественное отношение, в котором они находятся друг к другу, и изменения этого последнего управляют движениями отдельных капиталов, являющихся лишь частями совокупного общественного капитала, и объясняют нам эти движения. Однако, представитель психологической школы политической экономии не видит этой общественной связи; он, поэтому, неизбежно обречен на непонимание той теории, которая как раз ставит себе задачей вскрыть общественную обусловленность хозяйственных явлений и для которой поэтому исходным пунктом является общество, а не индивид. Понятиям и выражениям этой теории он постоянно придает свой собственный индивидуалистический смысл и попадает, таким образом, в противоречия, которые он приписывает теории, хотя они должны быть отнесены за счет его понимания этой теории.

Это постоянное *qui pro quo* мы можем проследить на всех стадиях полемики Бема. Уже основное понятие системы Маркса, понятие труда, создающего ценность, Бем трактует чисто субъективно. Труд у него оказывается идентичным с «усилием» (*Muhe*). Сделав индивидуальное ощущение неудовольствия причиной ценности, он вполне естественно приходит к тому, что видит в ценности только психологический факт, выводя ценность товаров из оценок труда, которого они стоили. Это то известное обоснование, которое Адам Смит, неоднократно покидающий объективную точку зрения ради субъективной,

дает своей теории ценности, говоря: «Одинаковые количества труда должны повсюду и во всякое время иметь для самих рабочих одну и ту же ценность. При нормальном состоянии своего здоровья, сил и деятельности и при среднем уровне ловкости, которой он обладает, он должен будет всегда пожертвовать одинаковым количеством своего досуга, своей свободы и своего счастья». Но если труд, как «усилие», есть основание оценки, то «ценность труда» является элементом, конституирующим ценность товара, или, по выражению Бема, ее «детерминантом». Но в таком случае нет надобности видеть в ней единственное основание; наряду с ней имеется много других моментов, влияющих на субъективные оценки отдельных лиц и могущих с одинаковым правом выступать в качестве факторов, определяющих ценность. Итак, стоит лишь нам отождествить ценность товаров с оценкой, которую получают эти товары от индивидов, как признание труда единственным основанием этой оценки представится совершенно произвольным. С субъективной точки зрения, на которой стоит Бем в своей критике, теория трудовой ценности с самого начала оказывается несостоятельной. И именно эта точка зрения мешает Бему видеть, что понятие труда у Маркса прямо противоположно его собственному. Уже в "Zur Kritik der politischen Oekonomie" (1 Aufl., S. 37) Маркс точно формулировал противоположность его собственного взгляда и субъективистской позиции Смита в словах: Он «принимает объективное равенство, которое общественный процесс насильно устанавливает между неравными видами труда, за субъективное равноправие индивидуальных работ», причем вместо равноправия можно было бы свободно поставить равноценность. Фактически, Маркса вовсе не интересует индивидуальная мотивация оценки; сделать «усилие» всецело масштабом ценности в капиталистическом обществе было бы абсурдом, ибо собственники продуктов вообще не прилагали никаких усилий; это делали другие, те, кто произвел эти продукты, но ими не владеет. В действительности, у Маркса в понятии труда, создающего ценность, отсутствует всякое индивидуальное отношение; труд выступает у него не как причина приятных или неприятных ощущений, но как присущая товарам объективная величина, определяемая степенью

развития общественных производительных сил. В то время как труд для Бема является лишь одним из моментов, определяющих оценки индивида, с точки зрения Маркса труд есть основа и связующее начало человеческого общества; степень производительности труда и его организация обуславливают характер общественных связей. Поскольку труд понимается в своей общественной определенности, т.-е. как совокупный труд всего общества, пропорциональной частью которого является всякий индивидуальный труд, и поскольку он в таком понимании возводится в принцип ценности, все явления экономической жизни оказываются подчиненными объективной закономерности, не зависящей от воли отдельного человека и подвластной всецело общественным связям. Под оболочкой экономических категорий перед нами выступают общественные отношения—отношения производства, которые осуществляются и воспроизводятся через посредство хозяйственных благ, или постепенно изменяются и требуют иного способа своего осуществления.

Закон ценности становится, таким образом, законом движения определенной, покоящейся на товарном производстве, общественной организации, но в последнем счете все изменения в общественной структуре могут быть сведены к изменениям в производственных отношениях, т.-е. к изменениям в развитии производительной силы и организации труда. Этим политическая экономия, в резком противоречии с психологической школой, трактуется, как часть науки об обществе, а эта последняя, как историческая наука. Этой противоположности совершенно не сознает Бем. Вопрос о том, какой метод является правомерным для политической экономии, «субъективный» или «объективный», он решает в полемике с Зомбартом в том смысле, что один метод должен восполнять другой, тогда как здесь вообще речь идет не о двух различных методах, но о различном понимании всей социальной жизни, т.-е. о точках зрения, из которых одна исключает другую. Этим объясняется то, что Бем, ведя полемику со своей субъективно-психологической точки зрения, видит противоречия теории Маркса, которые лишь потому кажутся ему таковыми, что он дает самой теории субъективистское истолкование.

Но если труд есть единственное мерило оценки, а тем самым и ценности, то для подобного предвзято-субъективистского понимания единственно последователен вывод, что товары могут обмениваться лишь в том случае, если они содержат равные количества труда, так как иначе непонятно, что может заставить индивида отказаться от своей оценки. Если же факты не соответствуют этой предпосылке, то закон ценности теряет всякое значение, и труд становится лишь одним из оснований, определяющих ценность, наряду с прочими. Отсюда то большое значение, которое Бем придает факту обмена товаров не на основании содержащегося в них равного количества труда. Это должно казаться противоречием, если ценность рассматривается не как объективная величина, а как результат индивидуальной мотивации. Ибо, если труд есть масштаб моей оценки, то я только тогда буду склонен обменять свое благо, когда я получу взамен другое, которое, если бы я решил его произвести сам, стоило бы мне, по крайней мере, столько же труда. Продолжительное отклонение меновых отношений от этой нормы, — раз уже мы дали субъективистское истолкование закону ценности, — есть действительно внутреннее противоречие, уничтожение смысла (подразумевается — субъективистского смысла) закона ценности, который в данном случае должен дать мотивы хозяйственного поведения индивидов.

Иначе обстоит дело у Маркса. То обстоятельство, что хозяйственные блага содержат труд, есть присущее им свойство; то, что они могут быть обмениваемы, есть другое свойство, зависящее только от воли их обладателей и предполагающее лишь, что они присваиваются и отчуждаются. Отношение между количеством труда и меновой пропорцией устанавливается лишь тогда, когда они систематически начинают п р о и з в о д и т ь с я как товары, т.-е. как блага, предназначенные для обмена, следовательно, в определенный период исторического развития. Количественное отношение, в котором они теперь обмениваются, зависит тем самым от времени, затраченного на производство, а оно в свою очередь определяется степенью общественной производительности. Меновое отношение теряет этим случайный, зависящий от прихоти владельцев, характер.

Общественные условия труда выступают как объективная граница по отношению к отдельной личности, общественная связь господствует над поведением индивида.

Способ общественного производства определяет собой общественный процесс распределения, который уже не регулируется сознательно, как в коммунистической общине, но выступает как результат меновых сделок, заключенных отдельными независимыми производителями и подчиняющихся законам конкуренции.

Исходным пунктом для закона ценности Маркса является предположение, что товары обмениваются по их ценностям, т.-е. содержат в себе равные количества труда. Равенство трудовых затрат это лишь условие обмена товаров по их ценностям. С субъективистской точки зрения Бем принимает это условие за условие обмена вообще. Однако, очевидно, что обмен товаров по их ценностям, с одной стороны, образует лишь теоретический исходный пункт для дальнейшего анализа, с другой же стороны, является господствующим для известной исторической фазы товарного производства, которой соответствует определенный род конкуренции.

Фактически в меновом отношении товаров, которое есть лишь вещественное выражение общественных отношений личностей, выявляется равенство агентов производства. Так как при простом товарном производстве друг другу противостоят равные, независимые и обладающие средствами производства рабочие, обмен совершается по ценам, которые имеют тенденцию соответствовать ценностям. Только таким образом может сохраниться механизм простого товарного производства и только таким образом выполняются условия воспроизводства производственных отношений.

В этом обществе продукт труда принадлежит трудящемуся: если бы в результате постоянного отклонения — случайные взаимно компенсируются — у него отнималась часть продукта труда и доставалась другому, то это изменило бы основы данного общества; один стал бы наемным рабочим (тружеником домашней промышленности), другой — капиталистом. Это фактически представляет собой одну из форм разложения простого товарного производства. Но возможность его разло-

жения предполагает изменившиеся общественные условия, которые поэтому изменили и обмен, как выражение общественных отношений.

В капиталистическом процессе обмена, целью которого является реализация прибавочной ценности, снова отражается равенство хозяйствующих субъектов. Однако последние являются уже не самостоятельно работающими производителями, а владельцами капитала. Их равенство выражается в том, что обмен только тогда совершается нормально, когда прибыль равна средней прибыли. Обмен, который выражает равенство владельцев капитала, естественно, определяется иначе, чем тот, основой которого является равенство трудовых затрат. Но, в виду того, что основа того и другого общества — разделение труда и индивидуальная собственность — одни и те же, и в виду того, что капиталистическое общество может рассматриваться лишь как высшая модификация первого, закон ценности также не меняется в своей основе, подвергаясь лишь известным модификациям «всего проявления». Последние вызываются специфическим характером капиталистической конкуренции, которая обуславливает пропорциональное равенство капиталов. Доля участия в совокупной продукте, ценность которого по-прежнему непосредственно определяется законом ценности, была раньше пропорциональна трудовым затратам индивида и стала теперь пропорциональна капиталу, необходимому для того, чтобы привести в действие известное количество труда. В этом находит себе выражение подчинение труда капиталу. Оно выступает как общественное подчинение; все общество разделено на капиталистов и рабочих, причем первые владеют продуктом последних, все количество которого определяемое по закону ценности, распределяется между первыми. Первые свободны и равны; их равенство проявляется в цене производства $= k + p$, где p пропорционально k . Рабочий в его зависимости выступает как составная часть k наряду с машинами, смазочным маслом и рабочим скотом; в качестве составной части k он выступает для капиталиста, как только он покидает рынок и начинает работать на фабрике, порождая прибавочную ценность. Только один момент он выступал в роли свободного человека, — продавая на рынке свою рабочую

силу. Краткий миг, когда рабочий на рынке является господином своего положения, и затем долгие годы угнетения на фабрике показывают различие юридического и экономического равенства и разницу между требованиями равенства у буржуазии и у пролетариата.

Капиталистический способ производства — и в этом его историческое значение, которое позволяет видеть в нем преддверие социалистического общества — более, чем какой-либо из прежних способов производства, делает человека общественным существом, т.-е. ставит его индивидуальное существование в зависимость от общественных условий, в которых человек находится. Он делает это в антагонистической форме, создав и два больших класса, причем общественный труд становится функцией одного, а пользование продуктами труда — функцией другого класса.

Отдельная личность не стоит еще в непосредственном отношении к обществу; его экономическое положение определено его принадлежностью к данному классу. Отдельная личность существует как капиталист только потому, что его класс присваивает продукт другого класса и его собственная доля определяется только совокупной прибавочной ценностью, но не той прибавочной ценностью, которую он индивидуально присвоил.

Это значение класса делает закон ценности общественным законом. И только в случае, если бы он не подтвердился для сферы общественной, мы могли бы говорить о крушении теории.

В капиталистическом обществе каждая отдельная личность является или господином или рабом, в зависимости от ее принадлежности к тому или другому из больших классов. Социалистическое общество - освобождает личность, уничтожая антагонистическую форму общества и включая каждого непосредственно и сознательно в общественное целое. Общественная связь уже не скрывается за загадочными экономическими категориями, которые являются как бы естественными свойствами вещей, но выступает как свободно желаемый результат сотрудничества людей. Политическая экономия прекращает существование в своем прежнем виде, чтобы уступить место учению о «богатстве народов».

Сила, которая производит превращение ценностей в цены

производства, это конкуренция. Однако здесь речь идет о капиталистической конкуренции. Конкуренция необходима также и для того, чтобы продажа происходила по ценам, колеблющимся около ценности. При простом товарном производстве точно также происходит взаимная конкуренция готовых товаров, которая выравнивает индивидуальные ценности в одну рыночную ценность, объективно исправляя субъективные ошибки отдельных личностей. Здесь же мы должны иметь в виду конкуренцию капиталов за различные сферы приложения, которая устанавливает равенство прибылей; конкуренцию, которая может стать действительной только по устранении всех правовых и фактических границ, препятствующих свободе передвижения труда и капитала. Если возрастающие различия в органическом составе капиталов и вместе с тем увеличивающаяся разница между количествами прибавочной ценности, непосредственно произведенными в отдельных сферах производства, сама является результатом капиталистического развития, то в то же время это развитие создает возможность и необходимость уничтожения этих различий для капитала и осуществляет равенство людей, как владельцев капитала.

Мы видели выше, по каким законам совершается это выравнивание. Мы видели также, что только на основе закона ценности было возможно определить величину подлежащей распределению совокупной прибыли, равной совокупной прибавочной ценности, и этим самым степень отклонения цен производства от ценностей. Мы видели далее, как различия в ценах производства постоянно должны быть сводимы к изменениям в ценности и могут быть объяснены только на основе последних. Нас интересует лишь то, каким образом субъективистская точка зрения и здесь препятствует уяснению хода мыслей Маркса.

Для Бема конкуренция только собирательное имя для всех тех психических мотивов и побуждений, которыми руководствуются стороны на рынке и которые, таким образом, оказывают влияние на образование цен. С этой точки зрения не имеет никакого смысла говорить о покрытии спроса и предложения в обычном значении, ибо известное число потребностей всегда остается неудовлетворенным; ибо для этой теории име-

ет значение не реальный спрос, но спрос вообще, причем, во всяком случае, остается загадкой, каким образом мнения и желания тех, которые не могут купить, окажут влияние на продажные цены. Если Маркс ссылается на конкуренцию, т.-е. на психические мотивы, то не подрывает ли он этим значение своего объективного закона ценности?

Отношение спроса и предложения определяет цену, но высота цены определяет отношение спроса и предложения. Если возрастает спрос, то возрастает цена; но если возрастает цена, то падает спрос; а если падает цена, то спрос возрастает. Далее: если возрастает спрос, а потому и цена, то возрастает предложение, потому что производство становится более выгодным. Таким образом, цена определяет спрос и предложение, а спрос и предложение определяет цену; далее, спрос определяет предложение, а предложение определяет спрос. Кроме того, все эти колебания имеют еще тенденцию к выравниванию. Если спрос возрастает и цена поднимается выше нормального уровня, то увеличивается предложение; это увеличение легко переходит границу необходимого, и тогда цена падает ниже нормы. И неужели среди этой путаницы не найдется твердой точки опоры?

Бем полагает, что предложение и спрос всегда покрывают друг друга, производится ли обмен по нормальным или по ненормальным ценам. Но что же такое эта нормальная цена? На основе капиталистического производства условием производства, является процесс превращения капитала в ценность, приносящую прибавочную ценность. Чтобы капиталист продолжал производство, он должен иметь возможность продать товар по цене, которая равнялась бы издержкам производства плюс средняя прибыль. Если он не может реализовать этой цены — нормальной цены капиталистически производимых товаров, — то процесс воспроизводства останавливается, и предложение падает до той точки, при которой соотношение спроса и предложения позволяют реализовать эту цену. Соотношение спроса и предложения перестает благодаря этому быть чисто случайным; оно выступает, как подчиненное цене производства, образующей центр, вокруг которого колеблются рыночные цены, отклоняясь в противоположных и потому взаимно

компенсирующихся направлениях. Цена производства обуславливает, таким образом, предложение, воспроизводство товаров. И не только воспроизводство товаров. Достижение такого отношения между спросом и предложением, чтобы могла быть реализована нормальная цена, цена производства, необходимо для того, чтобы ход капиталистического способа производства мог совершаться беспрепятственно, чтобы общественные условия этого способа производства, движущим мотивом которого является стремление капитала к получению прибавочной ценности, воспроизводились в самом процессе обращения.

В общем и целом отношение предложения и спроса должно быть таково, чтобы могла быть реализована определяемая независимо от этого отношения цена производства, та цена, которая возвращает капиталисту издержки производства вместе с прибылью, ради которой он и предпринял производство. Тогда говорит, что предложение и спрос взаимно покрываются.

Взглянем теперь на спрос с другой стороны; он «существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а, следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной ценности к заработной плате, и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная ценность (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.). Таким образом, здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложению абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение»¹).

Маркс дает, таким образом, объективные законы, которые осуществляются через посредство «психических побуждений» отдельных лиц и господствуют над ними. Психологическая школа могла попытаться объяснить лишь, одну сторону — спрос. Она думает, что она нашла это объяснение в классификации отдельных потребностей, образующих спрос. Она упускает из виду, что существование потребности еще ничего не говорит о возможности удовлетворить эту потребность. Но эта возможность удовлетворения зависит не от доброй воли

¹ Ср. „Капитал“, III₁, стр. 160. Перев. под ред. Степанова и Базарова.

того, кто имеет потребность, а от его экономической мощи, от той доли в общественном продукте, которой он может распоряжаться, от величины эквивалента, который он может предложить за продукты, находящиеся в руках других лиц.

Сделав производительность человеческого общества, в той определенной организационной форме, которую им дает общество, основным понятием политико-экономических исследований, Маркс представил экономические явления и их изменения как закономерный процесс, зависящий причинно от развития производительной силы. При этом, согласно диалектическому методу, историческое развитие всюду идет параллельно с развитием понятий, так что развитие общественной производительной силы, то выступает в исторической его реальности, то как отражение ее в системе понятий. Этот именно параллелизм содержит в себе наиболее строгое эмпирическое доказательство правильности теории. Исходным пунктом необходимо является товарная форма; это простейшая форма, в которой ставится проблема экономического анализа, как своеобразного научного метода. Ибо в товарной форме уже оживает тот мираж, который возникает от того, что общественные отношения личностей принимают форму вещественных свойств предметов. Это тот мираж вещественности, который делает экономические проблемы столь загадочными. Общественные свойства личностей проявляются как вещественные свойства предметов, подобно тому, как субъективные формы созерцания (время и пространство) представляются объективными свойствами вещей. Маркс, уничтожив этот мираж и вскрыв отношения личностей и общественных явлений там, где до него видели только отношения вещей и индивидов, дал цельное и лишенное противоречий объяснение феноменам, на которых потерпела крушение классическая политическая экономия. Она должна была потерпеть крушение, потому что она рассматривала производственные отношения буржуазного общества, как естественные и неизменные. Доказав историческую обусловленность этих производственных отношений, Маркс мог продолжать анализ там, где должны были его прекратить классики.

Но это доказательство исторически преходящего значения

буржуазных производственных отношений означало смерть политической экономии, как буржуазной науки, и основание политической экономии, как пролетарской науки. Для представителей буржуазии, поскольку они хотели изображать собой нечто большее, чем простых апологетов, которые в эклектизме, лишенном всякой критики, должны искать ненадежную опору своим теориям гармонии, оставались открытыми только два пути. Они могли игнорировать теорию, пытаясь поставить на ее место историю хозяйства, как это сделала историческая школа в Германии, ограниченная даже в своей специфической области отсутствием цельного понимания явлений хозяйственной жизни. Иную позицию занимает психологическая школа политической экономии. Она пытается дать теорию экономических явлений, исключая самую экономику из своего поля зрения. Вместо экономического, общественного отношения она избирает исходным пунктом своей системы и н д и в и д у а л ь н о е отношение между человеком и вещами. Она рассматривает это отношение с психологической точки зрения, как подчиненное естественным неизменным законам. В ней не находят себе места производственные отношения в их общественной определенности, точно так же, как ей чужда мысль о закономерно складывающемся развитии экономических явлений. Эта экономическая теория означает отрицание экономики; последнее возражение, которое буржуазная экономическая наука выдвигает против научного социализма, заключается в самоупразднении политической экономии.